

маровани

Джо Бевеами

*Самый
неподходящий
мурзегина*

Очарование (АСТ)

Джо Беверли

Самый неподходящий мужчина

«Издательство АСТ»

2005

УДК 821.111-31(73)
ББК 84 (7Coe)-44

Бевеpли Д.

Самый неподходящий мужчина / Д. Беверли — «Издательство АСТ», 2005 — (Очарование (АСТ))

ISBN 978-5-17-136540-0

Что нужно богатой наследнице, чтобы достичь высокого положения в лондонском свете? Разумеется, титулованный муж. Однако выбранная добыча Дамарис Миддлтон — маркиз Эшарт — неожиданно срывается с крючка... Упрямая барышня не желает отступать и собирается вновь раскинуть сети, а в этом ей может помочь лучший друг маркиза Октавиус Фитцроджер — мужчина необычайного обаяния, способный покорить сердце любой женщины. Увы, у него нет титула, а потому он абсолютно не подходит ей в мужа. Влюбляться нельзя ни в коем случае — Дамарис твердит себе об этом день за днем. Однако чем теснее судьба сводит ее с Октавиусом, тем меньше сердце девушки прислушивается к доводам разума и здравомыслия.

УДК 821.111-31(73)

ББК 84 (7Coe)-44

ISBN 978-5-17-136540-0

© Беверли Д., 2005
© Издательство АСТ, 2005

Содержание

Пролог	5
Глава 1	8
Глава 2	14
Глава 3	23
Глава 4	31
Глава 5	37
Глава 6	45
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Джо Беверли

Самый неподходящий мужчина

Пролог

26 декабря 1763 года

Родгар-Эбби, Англия

В этот второй день Рождества большой зал Родгар-Эбби был красиво украшен остролистом, плющом и омелой, перевитыми праздничными ленточками. Массивное рождественское полено горело в очаге, и пряный апельсиновый аромат наполнял воздух.

Маркиз Родгар пригласил много родни в свой дом на Святки, и этот зал стал центром празднеств. Сейчас, однако, гостей привлекло развлечение совсем иного рода – скандал.

Вдовствующая маркиза Эшарт, невысокого роста, тучная и свирепая, только что ворвалась в дом. Она отмахнулась от приветствия одного внука, маркиза Родгара, и приказала своему другому внуку, маркизу Эшарту, немедленно покинуть этот ненавистный кров. Это никого не удивило. Семейство Трейсов во главе с лордом Эшартом было на ножах с Маллоренами, возглавляемыми Родгаром, в течение целого поколения. Все гости были поражены присутствием Эшарта на вечере. Но как он отреагирует на то, что ему приказывают как какому-то щенку? Все глаза обратились на красивого темноволосого молодого человека, известного своим вспыльчивым нравом.

– Почему не остаться? – невозмутимо спросил Эшарт вдову. – Нужно обсудить семейные дела.

– Я бы не осталась в этом доме, даже будь он последним кровом в Англии! – рявкнула она.

– Тогда позволь тебе представить леди, которая будет моей женой, – мисс Дженива Смит.

Среди гостей послышались изумленные возгласы. Эшарт собирается жениться на компаньонке своих двоюродных бабушек!

– Что?! – взвизгнула вдова, делаясь красной, как ягода остролиста. Затем она окинула зал взбешенным взглядом: – Я слышала, эта девчонка Миддлтон здесь. Где она?

Все глаза обратились на молодую женщину в зеленом полосатом платье, чьи щеки внезапно вспыхнули. Она не была красавицей: волосы обыкновенного каштанового цвета, глаза голубые, а губы не по моде тонкие. Сейчас они были гневно сжаты.

Дамарис Миддлтон терпеть не могла быть в центре внимания, но она наблюдала за этой сценой, вся оцепенев и внутренне трепеща от ярости. Эшарт принадлежит ей. Когда она обнаружила, что богата, то твердо вознамерилась сделать великолепную партию. Поверенные составили для нее список наиболее нуждающихся молодых титулованных джентльменов Англии. Она изучила его и выбрала маркиза Эшарта. Она посетила его имение и получила одобрение вдовы. Ее поверенные уже ведут переговоры с адвокатами Эшарта, составляя брачный договор. Все улажено, за исключением официального предложения и подписей. Ему нужны ее деньги, а он – ее пропуск в мир аристократии.

Как же ей поступить? Ее первым побуждением было убежать, скрыться от множества недружелюбных взглядов. Но она не будет трусихой. Дамарис присела перед старой дамой.

– Я рада, что вы приехали, леди Эшарт. Я не знала, что делать. Как вам известно, Эшарт уже дал обещание мне.

В зале повисла гробовая тишина, и шею Дамарис, словно сквозняком, обдало холодом. Не совершила ли она только что ужасную ошибку? Девушка огляделась вокруг. Для этих людей она самозванка. Дамарис не состояла в кровном родстве с Маллоренами, и здесь оказалась

лишь потому, что ее опекун – лорд Генри Маллорен. Она из простой семьи и не знает правил этого мира. Ей захотелось убежать и спрятаться, но она не могла позволить Джениве Смит увести Эшарта прямо у нее из-под носа!

Красивая блондинка мисс Смит нарушила тягостное молчание:

– Вы, должно быть, ошибаетесь, мисс Миддлтон.

– Ну разумеется, – резко бросил Эш.

Кровь ударила в лицо Дамарис, придав ей смелости.

– Как я могу ошибаться? – Она повернулась к вдове: – Разве это не так?

Все затаили дыхание.

Леди Эшарт устремила холодный взгляд на внука.

– Да, – сказала она, – это так.

Дамарис торжествующе повернулась к маркизу, но не успела она потребовать извинения, как отреагировала мисс Смит.

– Ах ты, подлец! – закричала она на него. – Мерзавец! – Она побежала в обеденный зал и вернулась, чтобы швырнуть в него едой.

Дамарис смотрела, пораженная, как и все остальные, но склонялась к тому, чтобы поддержать мисс Смит. Она и сама с превеликим удовольствием надела бы на голову негодяя чашу с пуншем.

Но тут Эшарт встал на одно колено, измазанный, растрепанный, но все равно неотразимый.

– Милая Дженни, великодушная Дженни, грозная Дженни! Выйдешь за меня? Я люблю тебя, Дженни. Я обожаю тебя.

– Нет! – пронзительно закричала Дамарис одновременно с громогласным «Эшарт!» вдовы.

Дамарис в ярости ринулась вперед, но сильные руки ухватили ее сзади.

– Не надо, – тихо сказал мужской голос ей на ухо. – Вы только сделаете хуже.

Фитцроджер. Друг Эшарта, который докучал ей в последние дни, удерживая на расстоянии от ее избранника. И что из этого вышло! Она вырывалась, но была безжалостно оттянута назад, подальше от Эшарта. Затем она услышала, как Дженива Смит сказала:

– Да, Эш, любимый, я выйду за тебя.

– Нет! – завопила Дамарис. – Он мой!

Ладонь накрыла ей рот, другая сдавила шею. Все потемнело.

Фитцроджер принес Дамарис наверх. Она не нашла в себе сил протестовать, слыша позади гомон и смех. Она потеряла Эшарта! Все смеются над ней. Она унизила себя перед людьми, к кругу которых надеялась принадлежать. Теперь они потешаются над глупой мисс Миддлтон, которая думала, что ее богатство может купить ей место среди них. Дочь и наследницей человека, который был немногим лучше пирата.

Ее положили на кровать, и она слышала обеспокоенный голос своей служанки Мейзи. Она не открывала глаз, словно это могло все исправить. Кто-то приподнял ее и поднес стакан к губам. Лауданум. Она ненавидела опий и его затяжное воздействие, но с благодарностью выпила. Если бы только снадобье имело силу стереть последний час и позволить ей повести себя с большим достоинством!

Полог над кроватью задернули. Голоса стали смутными, едва различимыми. Дождаясь, когда подействует лекарство, Дамарис вновь и вновь прокручивала в голове катастрофу. Она ни за что не сможет снова появиться перед этими людьми!

Первые двадцать лет жизни она не знала другого пристанища, кроме скромного Берч-Хауса в Уорксопе. Вполне приличный дом для врача, каким был ее дедушка, но ничто в сравнении с Родгар-Эбби или даже с обветшалым родовым гнездом Эшарта, Чейнингсом.

Вплоть до прошлого года она жила в благородной бедности, ибо уже через несколько месяцев после женитьбы на матери ее отец отправился на поиски приключений, и то немногое, что он присылал, не допускало роскоши. Они с мамой сами шили себе одежду и без конца чинили ее. Еда была самой простой, большая часть из своего огорода. Слуги, молодые и неуклюжие, как только приобретали необходимые навыки, тут же уходили на более высокое жалованье.

Но после смерти матери Дамарис узнала правду. Ее отец невероятно разбогател и оставил почти все свое состояние ей. Он даже распорядился об опекуне, если они с мамой умрут до достижения ею совершеннолетия. Этим опекуном был лорд Генри Маллорен, пожилой дядя маркиза Родгара. Вот почему Дамарис оказалась здесь, в Родгар-Эбби. Лорд Генри и его жена изъявили желание поехать, и им ничего не оставалось, как взять свою подопечную – Дамарис – с собой.

Дамарис была счастлива вырваться из скучного дома лорда Генри и побольше узнать о блестящем мире аристократии, который скоро будет и ее миром, когда она станет маркизой Эшарт. Как она вообще могла подумать, что сможет взлететь так высоко? Ей следовало знать, что ни красивая одежда, ни великолепные драгоценности не меняют человека. Это все равно что прикрывать навозную кучу шелком.

Ей здесь не место, и она не сможет вынести их хихиканья у себя за спиной.

И прежде чем тьма поглотила ее сознание, она поняла, что должна уехать.

Глава 1

На рассвете следующего дня карета удалялась от Родгар-Эбби так быстро, как только позволял выпавший за ночь снег. Дамарис молилась, чтобы они не застряли в заносах. Бриггс, кучер ее опекуна, мрачно предсказывал, что далеко они не уедут, опять пойдет снег и остановит путешествие, но она сыпала гиней, пока он не согласился. Должна же быть хоть какая-то польза от того, что ты одна из богатейших женщин в Англии! А что, если за ней гонятся? Скрип колес и стук копыт заглушали звуки погони. Или, быть может, она ничего не слышала из-за своего неистово колотящегося сердца?

– Все это добром не кончится, – возвестила горничная. Простоватая толстушка Мейзи двадцати пяти лет была веселой и жизнерадостной, но сегодня она выглядела непривычно задумчивой. – Как мы проделаем весь обратный путь, чтобы нас не поймали, мисс?

Дамарис накричала бы на нее, да только Мейзи, вероятно, осталась ее единственным другом в целом свете.

– Нужно только добраться до дороги на Лондон и купить билеты. Мне двадцать один, и Маллорены не могут вытащить меня из дилижанса.

Угрюмое молчание Мейзи говорило: «Хотела бы я быть в этом уверена». Дамарис терзали те же сомнения. Маллорены, похоже, сами себе закон, а ее опекун, лорд Генри, – настоящий тиран. Но возможно, им наплевать, и они рады избавиться от нее.

Карета покачнулась, поворачивая из парка аббатства. Она почувствовала облегчение от того, что больше не находилась на земле Маллоренов. В Фарнеме она сядет в почтовую карету, потом в Лондоне купит билеты на север и вернется в Берч-Хаус. Она понятия не имела, что будет делать потом. Вероятно, вернется к бедности, ибо по отцовскому завещанию опекун имеет право придержать ее деньги, если она не будет жить, где он скажет, и поступать, как ей велят. Но она сможет довольствоваться малым. И это только до той поры, пока ей не исполнится двадцать четыре.

Краем глаза она заметила какое-то движение и резко повернулась вправо. Рядом с ее окном скакал всадник. Превосходная лошадь. Прекрасный наездник. Белокурые волосы, летящие по ветру.

Фитцроджер отрезал путь ее карете. Дернувшись, она остановилась, и кучер спросил:

– Неприятности, сэр?

В ответ послышался невозмутимый голос, который все эти дни так раздражал ее:

– Мне нужно переговорить с мисс Миддлтон.

Мейзи застонала. Дамарис хотелось сделать то же. Карета превратилась в ловушку.

Фитцроджер подъехал к окошку и заглянул внутрь. Он всегда одевался скромно, но сейчас выглядел как настоящий бродяга. Светлые волосы свободно рассыпались по плечам, ворот рубашки расстегнут, а под простым синим сюртуком нет жилета. Да он же все равно что раздет! Взгляд его холодных голубых глаз казался раздраженным. Какое он имеет право злиться на нее – друг Эшарта без гроша в кармане?

Дамарис опустила стекло, высунулась и крикнула:

– Поезжай, Бриггс! – Холодный ветер ударил ей в лицо. Бриггс, чума его возьми, не подчинился.

Фитцроджер ухватился за край оконной рамы голой рукой. Эта властная рука нервировала ее, мешала поднять стекло. Голая рука. Обнаженная шея. Непокрытая голова. Она надеялась, что он замерзнет до смерти.

– Чего вы хотите, сэр?

– Всего лишь немного вашего времени, мисс Миддлтон.

Он спрыгнул с лошади, крикнув груму взять животное. Это подстегнуло Дамарис к действию. Она высунулась чуть дальше и закричала:

– Да поезжай же, ты, бесхребетный слизняк!

Напрасный труд. Несмотря на возмутительно огромную взятку, Бриггс бросает ее при первом же испытании. Если бы она умела править, то забралась бы на козлы и сама взяла вожжи. Молодой грум с глазами навыкате появился перед окном и забрал лошадь. Фитцроджер открыл дверцу, улыбаясь, – только не Дамарис, а Мейзи.

– Возвращайся в дом с грумом. Я привезу твою госпожу чуть погодя.

– Нет, не привезет. Мейзи, не смей его слушаться!

Мейзи, предательница, пододвинулась к двери. Дамарис схватила ее за юбку, чтобы остановить. Фитцроджер резко ударил ее по руке, заставив разжать ладонь, и освободил Мейзи. Дамарис разинула рот и потрясенно уставилась на него. Руку все еще покалывало.

– Как вы смеете?!

Она потянулась к дверце, чтобы захлопнуть ее, но мужчина вскочил в карету и закрыл за собой дверцу. Он сел на сиденье напротив нее и обратился к груму через окно:

– Отвези служанку в дом и помалкивай об этом.

– Слушаюсь, сэр.

Чистейшая ярость ослепила Дамарис, и она потянулась за пистолетом в кобуре возле своего сиденья. Она ничего не знала об оружии, но, несомненно, нужно просто прицелиться и нажать на спусковой крючок.

Сильная рука сомкнулась вокруг ее запястья. Дамарис вдруг почувствовала, что не может пошевелиться, удерживаемая его железной хваткой и твердым взглядом холодных глаз. Она рывком высвободилась, откинулась назад, сунув руки в муфту.

– Говорите, что собирались сказать, мистер Фитцроджер, и уходите.

Он высунулся из окна:

– Можешь разворачивать лошадей, кучер.

Обратно к дому. Она не может вернуться, но не знает, как предотвратить это. Слезы душили ее, но она проглотила их.

Он поднял стекло, преграждая путь ледяному зимнему воздуху, но запирая ее в этом замкнутом пространстве с ним. Их ноги едва ли могли избежать соприкосновения, и она почти ощущала исходящее от него тепло.

– Вы ведь не хотели на самом деле убежать?

Она ответила на это молчанием.

– Как вы убедили слуг лорда Генри везти вас?

– Гинеи, – монотонно ответила она, – которых у меня в изобилии, а вам определенно недостает.

– Зато у меня знание жизни, которого вам явно не хватает.

Она стрельнула в него взглядом:

– Тогда вы понимаете, что моя репутация погублена.

– Нет, но этот безумный побег может ее окончательно испортить.

Она снова отвела глаза и посмотрела в окно на унылый пейзаж.

– Я не узнаю об этом, меня уже здесь не будет.

Но как она убежит? Никакие доводы или слезы на Фитцроджера, похоже, не подействуют. И едва ли его можно подкупить.

– Побег не поможет, потому что рано или поздно вам снова придется встретиться со всеми этими людьми. Если только вы не намерены жить как отшельница.

– Это Эшарту должно быть стыдно. Он собирался жениться на мне.

– Точнее, на ваших деньгах.

Было неприятно услышать правду, высказанную без обиняков, но Дамарис посмотрела ему прямо в глаза:

– Справедливая сделка. Мое богатство за его титул. Ему без него не выжить.

– Не истратил – все равно что заработал.

Дамарис горько усмехнулась:

– Планирует экономить? Эшарт? Это с его-то бриллиантовыми пуговицами и великолепными лошадьми?

– Очко в вашу пользу. Но сейчас надо думать о вашем будущем.

Ей стало интересно, правильно ли она понимает причину этого вмешательства. Фитцджеральд был для нее загадкой. Он, несомненно, беден и прозябает в качестве бесплатного компаньона Эшарта.

– Я не обменяю свое состояние за меньшее, сэр, если в этом ваш план.

Может, правда и обидела его, но он не подал виду.

– Я и не мечтаю взлететь так высоко. Думайте обо мне как о сэре Галааде, спасающем даму из благородных побуждений.

– Меня не нужно спасать. Я хочу, чтобы мне позволили продолжить путь.

У него был такой вид, словно ему хотелось встряхнуть ее, но потом он расслабился, вытянув длинные ноги. Они коснулись ее широких юбок. Она хотела было отодвинуться, но вовремя остановила себя.

– Однажды я попал в дурацкое положение, – сказал он. – Мне было пятнадцать, я был новоиспеченный знаменосец, гордящийся своей формой, но понимающий, что всем известно: я всего-навсего юнец, строящий из себя солдата. Как-то раз я спешил через оживленную казарменную площадь и посторонился, чтобы дать дорогу одной из офицерских жен. К несчастью, при этом зацепил своей саблей юбки другой дамы. Сабля запуталась за какую-то там ленту, и я не смог освободить ее, поэтому повернулся, сделав только хуже. Ее ноги обнажились до самых коленок, и она орала, чтобы я прекратил. Я весь взмок, не зная, что делать. Попытался попятиться. Что-то затрещало... Я был уверен, что никто никогда этого не забудет. Если б мог, я бы сел на корабль и уплыл куда глаза глядят. Но очень скоро поддразнивания прекратились, все забылось.

Дамарис слишком живо могла представить себе это и даже немного посочувствовала, но сказала:

– Это не то же самое.

– Верно. Моя неприятность была чисто случайной, тогда как ваша преднамеренная. Вам хотелось получить приз, который вы выбрали, и если бы я вчера не остановил вас...

– Остановили! У меня до сих пор синяки. – Но воспоминания о той сцене нахлынули на нее и вызвали мучительную боль. Она в отчаянии взмолилась: – Пожалуйста, отпустите меня! Я уеду в свой старый дом. Со мной все будет хорошо.

Он взял ее за руки. Она попыталась высвободить их, но силы покинули ее, а глаза заволокло слезами.

– Если вы сбежите, ваше поведение запечатлется в памяти людей. Когда же вернетесь и будете в хорошем настроении, все станут сомневаться, действительно ли все было так, как они помнят.

Она заморгала, пытаясь прочесть по его лицу, прав ли он.

– Каждая подробность, должно быть, врезалась в их память.

– Все детали происшествия заполонили ваше сознание, как то злоключение с саблей осталось в моем. В воспоминаниях же остальных это просто часть захватывающей драмы, и для большинства вы пострадавшая сторона. Многие вам сочувствуют.

Она вырвала свои руки.

– Жалеют! Беднягу, которую бросили, потому что никакие ее драгоценности и богатства не могут компенсировать невзрачного лица, неуклюжих манер и низкого происхождения.

Девушка застыла, не в силах поверить, что обнаружила свою постыдную тайну перед этим человеком, затем прикрыла лицо рукой. Он сел рядом и мягко потянул ее руку вниз.

– Напрашиваетесь на комплименты, мисс Миддлтон?

Дамарис посмотрела на него, но она плохо соображала, когда его тело оказалось так близко на узком сиденье кареты. Этот мужчина прижимался к ее ноге и руке, а его сильная, теплая ладонь держала ее руки.

– Вы не можете состязаться с Дженивой Смит в красоте, – сказал он. – Не многие могут. Но не невзрачная, нет. И я не заметил, чтобы было что-то не так с вашими манерами, за исключением того срыва, когда Эшарт обманул вас. Возвращайтесь со мной. Обещаю поддерживать и защищать вас и позаботиться, чтобы все вышло так, как вы пожелаете.

И его голос, и его слова будоражили нервы и ослабляли волю. Разве это возможно?

– Как я могу? Что мне придется делать?

– Смело смотреть всем в лицо и улыбаться.

Во рту у Дамарис пересохло, но она разглядела второй шанс, о котором молила ночью. Она не была уверена, что сможет вернуться на исходные позиции. Но нужно хотя бы доказать себе, что она не трусиха и не дурочка. Однако логика не одолела страха, и ей пришлось проглотить комок в горле, прежде чем заговорить:

– Хорошо. Я вернусь и сделаю вид, что все прекрасно. Но я ловлю вас на слове. Вы будете защищать и поддерживать меня?

Его улыбка была на удивление приятной.

– Да.

Наверняка он метит на ее состояние – никакой другой причиной не объяснить его несомненную доброту.

– Прежде чем вы пойдете дальше, мистер Фитцроджер, пожалуйста, поймите, что, несмотря на то что я очень ценю вашу помощь, я ни за что и никогда не предложу вам свою руку и состояние.

– Дамарис, если мужчина оказывает вам услугу, это еще не значит, что он обязательно охотится за вашими деньгами.

– Я не верю, что вы не имеете желания жениться на богатой?

Он пожал плечами:

– Я бы принял ваше состояние, если б вы мне его предложили, но вы ведь не совершите подобной глупости?

– Разумеется, нет.

– Значит, все предельно ясно. Лорд Генри повезет вас в Лондон на зимний сезон. Там будут богато представлены титулованные женихи, и вы сможете выбрать, кого захотите. Герцога, например. В качестве герцогини вы будете занимать более высокое положение, чем Дженива, маркиза Эшарт.

Казалось, он видит насквозь всю ее мелочную сущность, но она не могла отрицать привлекательности нарисованной им перспективы. В том списке нуждающихся титулованных джентльменов был и герцог – герцог Бриджуотер.

– Ну, что вы теперь замышляете? – спросил он с ленивой насмешливостью. – Вы меня пугаете.

– Хорошо бы это было правдой.

– Любой благоразумный мужчина начинает нервничать, когда сталкивается с неопытной леди, плетущей интриги.

– Неопытной? – возразила она.

– Весьма. Достаточно ли вы знаете жизнь, чтобы мудро выбрать себе мужа?

– Вы предлагаете быть моим наставником?

В тот же миг, возможно, по какой-то его реакции, она поняла, что ее слова прозвучали как заигрывание. Это потрясло Дамарис.

Если бы она и стала флиртовать, то, конечно, не с этим мужчиной. Попроси она своих поверенных составить список наименее подходящих мужчин, которых она может встретить в высшем обществе, Октавиус Фитцроджер возглавлял бы его.

Октавиус – имя, данное восьмому ребенку. Он происходит из большой и, вероятно, обедневшей семьи. Он не занят ни на какой службе и, похоже, не тяготится бездельем, и до нее дошли слухи о каком-то скандальном факте в его биографии. Она была слишком занята преследованием Эшарта, чтобы выведать больше, но знала: кое-кто из гостей был шокирован, что его допустили в дом.

И тем не менее, когда он взял ее руку и поднес к своим губам, пробормотав: «Я мог бы быть вашим наставником во многих вещах...» – здравомыслие Дамарис пошатнулось.

«Он всего лишь целует твою руку, не более», – сказала она своему затуманенному разуму, но это не помогло. Сердце колотилось неистово. Когда он наклонился ближе, она опомнилась и положила ладонь ему на грудь.

– Нет, сэр!

Его тело было словно огонь под ее ладонью, ибо одна лишь рубашка прикрывала крепкую грудь. Если она скользнет рукой выше, ее пальцы коснутся обнаженной кожи у основания шеи...

– Практика, – пробормотал он, – ведет к совершенству.

– Практика? – пискнула она. – В чем?

– Во флирте. – Он поднес руку к ее лицу и костяшками пальцев легонько провел вдоль ее расслабленной скулы. – Если вы будете напропалую флиртовать со мной, никому и в голову не придет, что вы еще сохнете по Эшарту.

– С чего бы я предпочла вас ему? – Вопрос был грубым, но вполне закономерным.

В его глазах плясали чертики.

– Ради святочного развлечения. Вы богатая молодая женщина, которая вскоре поедет в Лондон, чтобы сделать хорошую партию, а пока развлекается со мной.

Они сидели, почти не шевелясь, в тесном пространстве кареты. Он гладил ее скулу, она удерживала его. Это создавало странную иллюзию нахождения внутри магического круга, который ей не хотелось разрывать.

– Очень хорошо. – Цепляясь за благоразумие, она попыталась его оттолкнуть. – Нет необходимости обниматься здесь.

Ее попытка не достигла ничего. Ладонь сильнее прижалась к его проникающему сквозь ткань рубашки жару. Дышать стало труднее.

– А как же поцелуй в награду, прекрасная леди? – Его пальцы заскользили между мехом, которым был оторочен капюшон, и кожей шеи. – Шиншилла, – пробормотал он; это прозвучало как нечто греховное.

О да, он настоящий змей-искуситель, и ей бы следовало позвать на помощь, но она хотела его поцелуй. Губы горели в предвкушении.

– Только поцелуй, – мягко проговорил он. – Обещаю.

Он отвел в сторону ее руку, которая все еще слабо пыталась сдерживать его, и заключил в свои объятия. Она не могла припомнить, чтобы к ней когда-нибудь прикасались с такой нежной силой. Он пресек любой протест поцелуем. Она была беспомощна. Но в его объятиях не было насилия. Разве что зов природы. Все мысли испарились, и Дамарис позволила наклонить ее голову, чтобы углубить поцелуй, прижать себя к его сильному, твердому телу, обнимать ее, защищать.

Он оторвался от ее губ. Дамарис открыла потрясенные глаза, чтобы посмотреть в его. Бездонно-черное в окружении серебристо-голубого.

Она схватила его за волосы. Его глаза округлились. Не дав ему возможности воспротивиться, она толкнула его на спинку сиденья и поцеловала так же основательно, как он целовал ее. Дамарис никогда раньше не делала ничего подобного, но позволила инстинкту направлять ее.

Когда она прервала поцелуй, чтобы глотнуть воздуха, то осознала, что сидит у него на коленях. Грудь болезненно покалывало, и она прижалась ими к его груди, возвращая свои пылающие губы к его губам снова и снова...

Он вывернулся.

– Дамарис, мы должны остановиться!

– Нет.

Затем она различила то, что уже слышал он. Гравий. Они подъезжали к конюшням!

Она вернулась в Родгар-Эбби и опять впуталась в неприятности.

О чем она только думала? Одному небу известно, что бы случилось, если б им не пришлось остановиться. Когда карета с грохотом вкатилась на конюшенный двор, Дамарис украдкой взглянула на мужчину и натолкнулась на непонятное, озадаченное выражение его лица.

Лорд Генри Маллорен рывком распахнул дверцу кареты.

– Чума тебя заberi, чертова девка! Что еще, во имя дьявола, ты задумала, чтобы опозорить всех нас?

Глава 2

Фитц воззрился на жилистого краснолицего мужчину, пытаясь сообразить, как лучше поступить. Однако когда лорд Генри схватил свою подопечную за руку, инстинкт возобладал. Он резко ударил мужчину по руке, как до этого Дамарис, только гораздо сильнее. Лорд Генри выругался и отступил, но взмахнул кнутом для верховой езды.

– Черт бы вас побрал, сэр! Я подам на вас в суд за похищение и нападение!

Фитц перешагнул через юбки Дамарис и выпрыгнул из кареты, загородив девушку собой.

– Успокойтесь и не кричите, лорд Генри. Вы хотите устроить представление для конюшенного двора?

Лорд Генри был старым, тощим и на голову ниже его.

– Она уже сделала из себя посмешище.

Дамарис, появившись рядом с Фитцем, прошипела: «Прекратите!» – но Фитц не сводил глаз со своего противника.

– Мы можем обсудить это в доме...

– Мы не будем обсуждать это нигде, забияка! – Не сводя глаз с Фитца, лорд Генри обратился к своей подопечной: – Возвращайся в карету и оставайся там, девочка. Так как ты нас опозорила, мы уезжаем в течение часа.

– Только если она сама этого пожелает.

Лорд Генри презрительно скривился:

– Ее желания не имеют никакого значения. Она всецело в моей власти, пока не достигнет двадцати четырех лет или не выйдет замуж с моего согласия. Так что тебе придется долго ждать, когда она попадет в лапы такого запятнанного позором охотника за приданым, как ты.

– Я не намерена... – воскликнула Дамарис, но лорд Генри резко оборвал ее:

– Делай, что сказано!

Фитц собрал в кулак всю силу воли, чтобы сдержаться.

– Лорд Генри, сегодня никому далеко не уехать. Скоро пойдет снег.

Взглянув на небо, лорд Генри повернулся к Дамарис:

– Тогда ты пойдешь со мной и будешь заперта в своей комнате.

Он протянул к ней руку, но Фитц снова встал между ними:

– Нет.

Лорд Генри едва не хватил удар от бешенства, но он рявкнул:

– Что ж, ладно. Тебе известны последствия, девочка. – Он демонстративно зашагал к дому.

Фитц смотрел ему вслед.

– Что это значит?

– Если я не буду делать так, как он велит, он лишит меня денег.

Он повернулся и посмотрел на нее.

– Всех?

– До последнего фартинга. Пока мне не исполнится двадцать четыре или я не выйду замуж с его согласия.

– Черт! Три года, конечно, не вся жизнь, но довольно долгий срок без гроша. Но разве побег не имел бы тот же результат?

– Да, – безжизненно сказала она. – Мне к бедности не привыкать. Дом в Уорксопе мой. Он принадлежал моей матери, поэтому не управляется отцовским завещанием. У меня есть дом, и я бы продала содержимое вплоть до кастрюль и простыней, если бы понадобилось.

– Ну зачем же так драматизировать? Изумрудов, которые вы надевали на Рождество, многим хватило бы на несколько жизней.

Она бросила на него раздраженный взгляд:

– Но они-то как раз подпадают под завещание моего отца.

Господь всемогущий! Одна из богатейших женщин Англии может быть вынуждена продавать домашнюю утварь, чтобы не умереть с голоду. Но разумеется, ей не позволят жить без защиты. Это все равно что оставить золотой самородок на улице и надеяться, что его никто не подберет.

Должен быть из всего этого выход, но Фитцу требовалось больше информации. А еще ему надо было к огню. Голая кожа горела от холода. Конечно, не стоило высказывать на улице так легко одетым, но когда он выглянул в окно и заметил карету, интуиция подсказала ему, кто в ней и почему. Он бросился следом, чтобы предотвратить ее побег.

Тот поцелуй стал предупреждением о новой проблеме. Ему нельзя слишком сближаться с Дамарис Миддлтон. По крайней мере в этом она с ним солидарна. Она намерена выйти замуж за самый высокий титул и никогда не обратит внимание на такого, как он, о чем заявила со всей прямоотой.

Он положил руку ей на спину и повел с конюшенного двора.

– Нам надо возвращаться в дом. Я замерз. Да и вы, хоть и в мехах, но, как все леди, я уверен, не носите теплой обуви.

– Вы считаете, мы должны надевать сапоги?

– Богатая наследница может делать все, что пожелает.

– Но тайком, – сухо заметила она.

Фитц рассмеялся. Она умная и прямолинейная, и в последнее время он часто ловил себя на том, что восхищается ею, хоть его и раздражала ее неподобающая настойчивость по отношению к Эшарту.

Пока они шли к дому, похрустывая снегом, он попытался растолковать ей ее положение:

– Забудьте про Уорксон. Вы не можете жить там одна, без защиты. Все охотники за состоянием слетятся туда как коршуны.

– Полагаю, вам виднее.

– Я не охотник за состоянием.

Она бросила на него скептический взгляд:

– В любом случае я не вижу проблемы. Если у меня не будет денег, им просто-напросто не за чем охотиться.

– Ваш муж может занять под будущее наследство.

– О! – Дамарис нахмурилась, и Фитц уже подумал было, что достиг цели, но затем она взглянула на него: – Значит, и я могу занять под мое будущее наследство?

Он почувствовал, как волосы у него на голове зашевелились.

– Никто вам этого не позволит.

– Как они смогут помешать?

– Найдут способ. Я бы нашел.

– Это крайне несправедливо.

– А вас это удивляет?

– Никакая несправедливость в отношении женщин не удивляет меня. Однако какое облегчение узнать, что, случись худшее, мне не придется просить милостыню на улицах.

Худшее? Что она может о нем знать? Она ягненок в лесу, кишащем голодными волками. Ягненок, который думает, что у него острые зубы.

Ей нужен сильный защитник, который научил бы ее выжить в опасном мире. Он не может быть таковым, хотя и имеет все необходимые для этого знания. Его положение в светских кругах весьма шатко. Кроме того, он покинет Англию, как только станет возможно.

Снег засыпал дорожки, поэтому они шли к дому напрямик, и его сапог внезапно глубоко провалился. Он придержал девушку за спину, нашел более устойчивую опору и помог ей встать на нее.

– Почему именно лорд Генри стал вашим опекуном? – поинтересовался он, мысленно стараясь припомнить планировку местности. Канава с ограждением, прорытая для защиты сада от оленей, осталась в стороне. – Вы ведь не родственница Маллоренам?

– Никоим образом. Видимо, отец убедил его.

– Как?

Ее глаза заблестели насмешливыми искорками. Они были чуть-чуть раскосые – как у кошки – и зачаровывали его.

– Деньгами, – сказала она. – Лорд Генри – человек богатый, но он из тех, кто всегда хочет больше. Насколько я понимаю, он заинтересовался инвестициями в один из отцовских кораблей. Мой отец предложил, чтобы вместо денег он пообещал стать моим опекуном, если я останусь сиротой. Лорду Генри такая сделка показалась вполне безопасной. Мне в то время было четырнадцать. Через десять лет я должна была стать независимой, а мои родители были здоровыми людьми в расцвете лет. Конечно, отец вел опасную жизнь, зато мама была олицетворением осторожности. К несчастью для лорда Генри, она умерла в сорок восемь. Если бы отец уже не умер четырьмя годами раньше, я бы заподозрила, что он подстроил все так, чтобы я могла проникнуть в высшее общество, раз уж ему не удалось. Лорд Генри поймался на крючок пирата.

Пожалуй, она была права насчет своего отца. Фитц видел досье, которое собрали Эшу на его будущую жену. Маркус Миддлтон был среди хантингдонширских Миддлтонов паршивой овцой. Он забрал скромное приданое своей жены и укатил на Восток, чтобы разбогатеть. Ему это блестяще удалось, но он был не просто купцом, но и пиратом.

Возможно, это забавляло Миддлтона – поставить на то, что его дочь войдет в высокие круги. Но подумал ли он о собственном ребенке, который будет пешкой в этой игре? Фитц недоумевал, почему Дамарис с матерью жили так скромно в Уорксопе до смерти миссис Миддлтон. Они с Эшем полагали, что и мать, и дочь предпочитали такую жизнь. Но ее удовольствие от модной одежды и украшений и желание сделать блестящую партию говорили об обратном.

Она остановилась и подняла глаза на огромный дом, который угрожающе возвышался над ними.

– Лорд Генри может запретить мне войти? – спросила она с предательской дрожью в голосе.

Такую вероятность он даже не рассматривал, поэтому мягко подтолкнул ее к двери.

– Нет. Только лорд Родгар вправе поступить так, но я не верю, что он будет таким несправедливым.

– Но его называют Черным Маркизом.

– Это из-за того положения, которое он занимает у трона как тайный советник его величества, а не из-за характера.

Она снова остановилась.

– Недавно он убил человека на дуэли.

– С его стороны вам ничто не угрожает. И кроме того, я же ваш Галаад, помните? Защита от всех сил тьмы?

Она посмотрела на него, оценивая искренность его слов. Затем вздохнула, повернулась и решительно зашагала к двери. Он сказал эти слова не всерьез, но она восприняла их как клятву. Фитц подошел вместе с ней к двери и констатировал очевидное:

– Самый легкий способ отделаться от лорда Генри – это выбрать подходящего мужчину и быстро выйти замуж. – Когда она метнула на него подозрительный взгляд, он вскинул руку и добавил: – Не меня. Я самый неподходящий.

Это вызвало у нее слабую улыбку.

– Верно. Но я не стану спешить, особенно после этого злключения. – Она положила руку на щеколду, но снова помедлила. – Я не знаю, увлекаете ли вы меня в ад или в рай, мистер Фитцроджер, но я благодарю вас за благие намерения.

– Дорога в ад, говорят, выстлана благими намерениями. Но давайте же приблизимся к раю, коим в данный момент является тепло кухни.

Фитц положил ладонь поверх ее руки и открыл дверь, затем слегка подтолкнул ее через порог.

Они находились в простом коридоре, вдоль стен которого выстроились шкафы с продуктами и кухонной утварью, а воздух наполнял острый аромат чеснока и трав, свисающих с потолка. Звуки и запахи говорили о том, что идет приготовление к завтраку.

Плачущая Мейзи прислонилась, съезжившись, к стене, а какая-то служанка успокаивала ее. Она подняла глаза, вытирая слезы:

– Ой, мисс Дамарис! Он зол как черт. Он влепил мне затрещину и выгнал без единого пенни!

Дамарис подбежала к ней и обняла:

– Мейзи, он не может уволить тебя. Ты моя служанка.

Другая горничная потихоньку вернулась к своим обязанностям, а Дамарис бросила гневный взгляд на Фитца:

– Если бы вы не отослали ее из кареты, она бы не попалась лорду Генри под горячую руку.

– Вы правы. Он бьет вас?

– Нет.

– Но... – подала голос горничная.

– Только один раз. И я сама была виновата.

– В тот раз он ударил вас по лицу, мисс.

Ей явно было неловко, что это открылось, а он ужасно разозлился.

– Тише, Мейзи, – сказала она. – Нам нужно вернуться в мою комнату.

– Значит, мы не уезжаем, мисс? Но теперь лорд Генри знает, что вы пытались убежать, и вам не поздоровится.

– Нет. Он сказал, что снимает с себя ответственность.

Дамарис повернулась к Фитцу, и он увидел, что ей пришлось перебороть себя, прежде чем попросить о помощи.

– Что я должна делать?

– Есть у меня одно решение, но нам нужно это обговорить. Я пойду с вами в вашу комнату. В присутствии горничной это не нанесет вреда вашей репутации. – Когда она заколебалась, он добавил: – Я не пытаюсь скомпрометировать вас, но здесь не место для обсуждения щекотливой темы.

Словно в подтверждение его слов, слуга поспешил из кухни по коридору, неся большое, накрытое крышкой блюдо. Она проследила за ним растерянным взглядом, затем вновь обратила его на Фитца.

– Что ж, хорошо.

Горничная хотела было возразить, но, шмыгнув носом, повела их к лестнице черного хода. Дамарис двинулась следом. Они поднялись по незатейливой лестнице и прошли в дверь, которая была обита зеленым сукном с одной стороны и полированным дубом с другой, оказавшись на господской половине. По роскошному коридору с множеством дверей Фитц проследовал за Дамарис и ее горничной в спальню.

Дамарис повернулась к нему, стягивая перчатки:

– Ваше решение, сэр? – Она тщетно пыталась скрыть отчаяние.

Фитц прошел к огню, чтобы согреть руки.

– Что, если вы попросите лорда Родгара заменить лорда Генри в качестве вашего опекуна?

Она изумленно посмотрела на него:

– А разве это возможно? Я для него ничего не значу. Ненужное бремя. – Она прихлопнула ладонью рот. – Я трещу как сорока.

Он не смог сдержать улыбки.

– Подозреваю, что стать вашим опекуном будет для Родгара не большим бременем, чем лишняя пуговица на его сюртуке. Однако вполне логично, что он, как глава семейства Маллоренов, должен принять на себя обязанности своего дяди.

– Но не будет ли это выглядеть как оскорбление лорда Генри? Да он уже и сам отказался от этих обязанностей.

– Нет, не отказался. Отступившись, он не имел бы власти держать вас в бедности. Он получает изрядную сумму за работу?

Она тут же уловила, к чему он клонит.

– Которую не захочет потерять? Пять тысяч гиней в год сверх любых наличных расходов, таких как домашние учителя, одежда и путешествия. Довольно солидная сумма, но не для него. – Она остановилась. – Почему вы так улыбаетесь?

– Многие женщины сочли бы денежные вопросы – даже если это их деньги – либо выше своего понимания, либо ниже собственного достоинства.

– Лорд Генри считал мой интерес неестественным.

– Забудьте про лорда Генри.

– Я бы с радостью, но он мой опекун.

– Пока вы сами не измените это. – Он подошел к ее переносному секретеру и открыл крышку. – Попросите о встрече с Родгаром и изложите свою просьбу.

Она взглянула на тикающие часы на каминной полке:

– Еще нет девяти.

– Говорят, что Черный Маркиз никогда не спит. – Он намеренно добавил командных ноток в свой голос: – Пошлите записку.

Она села и взяла лист бумаги. Он снял крышку с ее чернильницы и заточил перо. Когда Фитц подавал ей его, девушка все еще колебалась, но потом взяла себя в руки, окунула перо в чернила и написала короткую записку беглым, но очень твердым почерком.

Еще неделю назад Дамарис Миддлтон была для Фитца не более чем именем – богатая наследница, на которой Эш собирался жениться. По приезде в Родгар-Эбби он обнаружил, что у его друга большая проблема – его сердце уже отдано другой. Хотя лично он придерживался мнения, что Эшу следует жениться на деньгах мисс Миддлтон, он сделал все возможное, чтобы отвлечь Дамарис от ее охоты. И очень скоро стал делать это не только ради Эша, но и ради нее самой. Она заслуживала лучшего, чем брак с мужчиной, который любит другую.

Она посыпала песком чернила, затем сложила бумагу, идеально выровняв края. Аккуратная и расторопная, но сумасбродная и своевольная. Очаровательная девушка.

Он обуздал опасные мысли и дернул за шнурок колокольчика. Дамарис Миддлтон не для него. Он десять лет служил в армии, достигнув звания майора. Но Дамарис Миддлтон не заинтересовалась бы простым майором, даже если бы его имя было покрыто славой, а репутация не запятнана.

Четыре года назад он совершил ошибку, спасши жизнь дяде короля, герцогу Камберлендскому. В качестве вознаграждения его освободили от полковых обязанностей и сделали тайным телохранителем. Он должен был появляться как праздный придворный при различных дворах и посольствах. В результате многие решили, что он уклоняется от службы на фронте.

Это никак не способствовало восстановлению его репутации, которой был нанесен непоправимый ущерб из-за его связи с Ориндой. Когда четыре месяца назад он продал свой патент

и вернулся в Англию впервые за много лет, то надеялся, что старый скандал канул в Лету. Однако никто не забыл ту историю. Ничего удивительного, если его брат Хью возмущался этим во всеуслышание всякий раз, когда был пьян, а навеселе он был почти всегда.

Он понаблюдал, как Дамарис накапала на сложенную бумагу сургуча и прижала к нему свою печатку. Даже если она проявит к нему интерес, он никогда не позволит ему во что-то вылиться. В высшем свете его терпят только ради Эша.

Вскоре после возвращения в Англию он встретил Эша и обрел друга. Поскольку в настоящее время Эш был в немилости при дворе – из-за женщины, разумеется, – и ему наскучило изысканное общество, положение Фитца не представляло особой проблемы. Затем Эш под влиянием момента решил принять приглашение Родгара на празднование Рождества. Фитц отнесся к этому одобрительно, ибо считал, что пора уже его другу откликнуться на предложения Родгара о мире, но не знал, как будет принят он сам. С дружбой Эша и молчаливым признанием лорда Родгара Фитц не встретил неприязненного отношения, но прекрасно видел, как некоторые искусно избегают общения с ним.

Стук в дверь возвестил о появлении ливрейного лакея. Горничная Мейзи отдала ему записку, и он ушел. Дело сделано, и скоро, Бог даст, Дамарис будет в руках Родгара.

Она вскочила на ноги и заходила по комнате.

– Это выглядит такой дерзостью. Что, если лорд Родгар знает, что я пыталась убежать?

Он подумал было солгать, но она заслуживала лучшего.

– Уверен, что знает. Он имеет репутацию всевидящего.

– О боже!

– Мисс Дамарис, – подала голос служанка, – вам нужно переодеться для визита к его светлости. – Взгляд горничной красноречиво говорил, что Фитц должен немедленно уйти.

Она права, но Дамарис была словно натянутая струна. Фитц поступил так, как вел себя с молодым офицером перед боем: стал отвлекать внимание.

– Что за человек был ваш отец?

Дамарис бросила на него озадаченный взгляд:

– Мой отец? Я встречалась с ним ровно три раза за всю жизнь. Он предпочитал жить за границей.

Фитц намотал это на ус. В досье упоминалось, что последние два десятка лет Маркус Миддлтон жил в основном вне Англии. Но не до такой же степени!

– Он, похоже, впечатляюще преуспел в заграничной торговле, хотя и умер довольно молодым. Сколько ему было, когда он умер?

– Пятьдесят два.

– Как это случилось?

– На корабле, атакованном пиратами где-то возле Борнео.

– Вам известно что-нибудь о его коммерческих делах в Азии?

Она внезапно нахмурилась:

– А что?

Он избрал честность.

– Я отвлекаю вас.

Ее голубые глаза стали круглыми, но она сказала:

– Благодарю вас. Что касается дел моего отца, вы должны понять, что вплоть до смерти матери я считала его мечтателем-неудачником.

– Господи, как такое могло быть?

– Я знала только то, что сообщала мне мама. Мы жили скромно, и она говорила, что это потому, что отец присылает мало денег. Это была неправда. Он был небрежен в другом, но присылал щедрые суммы. Она без устали твердила, какое он чудовище. Откуда я могла знать, что это не так?

– Вы узнали правду после его смерти?

– О нет. Тогда она сказала, что даже то небольшое, что он присылал, закончилось, и в течение четырех лет мы строжайше экономили, оставив на всю работу только Мейзи. – Она улыбнулась служанке, которая все еще сердито поглядывала на Фитцроджера. – Думаю, Мейзи осталась исключительно из-за своего доброго отношения ко мне.

– Конечно, мисс. Одному богу известно, что бы было с вами без меня. Вы не собираетесь переодеваться, мисс Дамарис, прежде чем разговаривать с его светлостью?

Дамарис оглядела коричневую шерстяную юбку и стеганый жакет.

– Это не обязательно, – сказал Фитц.

– Тогда ваши волосы, мисс. Они растрепались.

Дамарис посмотрелась в зеркало и покраснела. Возможно, вспомнила, где они могли расчесываться – в карете, во время тех поцелуев.

Она села, и горничная начала вытаскивать и снова втыкать шпильки, приводя в порядок изысканную сеточку, которая покрывала уложенные на затылке косы.

Фитц знал: служанка считает, что ему следует уйти, но он останется, пока не удостоверится, что все уладилось.

– Когда вы обнаружили, что богаты? – спросил он.

– После маминой смерти, – ответила девушка, встретившись с ним глазами в зеркале. Отражение давало ему лучшее представление о ее внешности. Ее нельзя было назвать красавицей, но и невзрачной она определенно не была. Лицо ее имело форму сердечка, но с аккуратным, округлым подбородком. Губы не полные, но красиво очерченные.

– Один из моих поверенных приехал в Берч-Хаус, – продолжала она. – Я даже не знала, что у меня есть поверенные. Динвидди и Фитч всегда имели дело с мамой. Она была моей опекуной. Я никак не могла поверить в ту огромную сумму, о которой говорил мистер Динвидди, но тут же заказала вдоволь дров и жаркое на обед. Ты помнишь тот филей, Мейзи? Ничего вкуснее этого я больше не ела.

– Еще бы не помнить, мисс Дамарис. – Служанка с явной нежностью проталкивала шпильки. – И потом еще пирожные.

– Пирожные из булочной, – присовокупила Дамарис.

– И вы наняли еще нескольких слуг.

– И купила новые чулки вместо того, чтобы штопать старые. И мягкое, душистое мыло. И шоколад. – Она прикрыла глаза и улыбнулась: – До этого я никогда не пила шоколад.

– Вы поделились им со мной, мисс, но мне не понравилось.

Дамарис улыбнулась горничной.

– Это потому, что я люблю, чтобы было поменьше сахара, а ты любишь все сладкое.

– Мне куда больше по вкусу старый добрый английский чай, мисс.

Фитц едва не рассмеялся. «Старый добрый английский чай» пришел из Индии и Китая, и, возможно, именно на нем Маркус Миддлтон и сколотил свое состояние. Но его тронула очевидная любовь между служанкой и госпожой и то, что он узнал о прежней жизни Дамарис.

– А потом, – проговорила Дамарис уже другим тоном, – приехал лорд Генри.

Повисло молчание, и Фитц спросил:

– Он был жесток?

Дамарис повернулась к нему, волосы вновь аккуратно уложены.

– Нет, но он, совершенно чужой человек, стал распоряжаться моей жизнью и был резок и холоден. Он забрал меня в свой дом в Суссексе, даже не спросив моего согласия. Я была счастлива вырваться из Берч-Хауса, но мне пришлось повоевать за то, чтобы взять Мейзи. Он хотел нанять для меня, как он говорил, подобающую леди горничную. Но я одержала победу, благодарение Небесам. – Она улыбнулась служанке. – Не знаю, как бы я выдержала без тебя, Мейзи. А ты стала горничной леди.

Часы пробили девять. Она взглянула на дверь, словно моля, чтобы лакей вернулся. Пальцы, не останавливаясь, нервно теребили кольца.

Пора снова прибегнуть к отвлекающей тактике.

– Все предприятия вашего отца находятся на Востоке?

Она вновь взглянула на него:

– Вы, пожалуй, чересчур интересуетесь моим приданым для человека, который утверждает, что он нейтральное лицо.

– Мне просто любопытно, не более, – сказал он правду. – Например, если ваше наследство за границей, кто управляет им?

Она все еще смотрела с подозрением, но ответила:

– Он оставил торговые дома лейтенантам, которые управляют ими. Я получаю долю прибыли.

– А если они не станут платить? Это не слишком надежное соглашение.

– Не беспокойтесь, я не умру с голоду. Отец вложил деньги в недвижимость здесь, в Англии, и доходов с нее вполне хватит на жизнь. Я подозреваю, он планировал вернуться как богатый набоб. – Она начала загибать пальцы: – Я владею домами в Лондоне; пятью сельскохозяйственными имениями, включая два с залежами угля; долей в кораблестроительной компании в Бристоле плюс доками там же и в Ливерпуле; десятью, если не ошибаюсь, торговыми кораблями и большей частью города Манчестер.

«Хватит на жизнь» явно было ироничным. Фитц был потрясен. Вероятно, ее поверенные утаили полный размер ее состояния, ибо он не помнил таких деталей в досье Эшарта на нее.

Эта изящная молодая женщина с острым умом, храброй душой и катастрофическим отсутствием жизненного опыта обладала исключительным богатством. Поразительно, что ее до сих пор не соблазнили или не похитили для получения выкупа.

Он придумал решение о передаче опекунства Родгару только для того, чтобы вырвать ее из лап лорда Генри. Но теперь он понимал, что это жизненно необходимо. У нее должен быть самый сильный и могущественный защитник, который только возможен.

Наконец послышался стук в дверь. Мейзи открыла, и лакей объявил:

– Маркиз встретится с вами в своем кабинете в любое удобное для вас время, мисс Миддлтон.

Это означало прямо сейчас, потому что слуга продолжал стоять, готовый сопровождать ее. Фитц заметил, как она украдкой вытерла вспотевшие ладони о юбку, и ему захотелось заключить ее в объятия, пойти с ней, даже говорить вместо нее. Глупая мысль, ибо это она должна сделать сама. Но вот проводить ее туда он вполне мог.

Фитц так и сказал, добавив:

– На случай, если лорд Генри попытается вмешаться.

Она ответила ему любезной улыбкой и взяла теплую шаль, которую подала служанка. Родгар-Эбби содержалось в превосходном состоянии, но ни в одном доме невозможно зимой поддерживать тепло в коридорах. Они вышли из комнаты и последовали за лакеем.

– Слава богу, что я не переоделась, – заметила Дамарис, нарушая молчание. – Не хотелось бы прийти на встречу, дрожа как осиновый лист.

Он мог бы расцеловать ее за храбрость духа.

– Говорят, король Карл Первый, отправляясь на казнь, надел лишнюю пару шерстяного белья, дабы непроизвольная дрожь не была по ошибке принята за страх.

Она потрясенно взглянула на него.

– Если бы мне вот-вот должны были отрубить голову, я бы дрожала, как бы тепло ни была одета.

– Особенно если учесть, как из рук вон плохо палачи делали свое дело. – Он поморщился. – Прошу прощения. Не тема для леди.

– Ну не знаю. Мама обожала читать истории о христианских мучениках. У нее даже были книги с иллюстрациями.

Парадная лестница спускалась в огромный центральный холл. Венки и гирлянды придавали ему праздничный вид. Но это место должно напоминать Дамарис, что вчера здесь она унизила себя. Он предложил ей руку, чтобы спуститься. Внизу лакей жестом указал Дамарис следовать за ним в рабочий кабинет маркиза. Дальше ему идти нельзя.

– Уверен, что все пройдет хорошо, – сказал Фитц. – Но я все же желаю вам удачи. Она никогда не помешает.

Дамарис сделала книксен:

– Благодарю вас за помощь, мистер Фитцроджер. – И пошла – спина прямая, голова высоко поднята.

Глава 3

Фитц хотел дожидаться, когда Дамарис выйдет от маркиза, но ему было неприятно мозолить глаза двум лакеям, которые стояли в холле. Кроме того, очевидно, несколько человек еще находились в столовой. Однако в свою комнату он тоже не желал возвращаться, потому что делил ее с Эшем и, когда уходил, тот еще спал.

Вначале, получив приглашение Родгара, Эш отклонил его, точнее, швырнул в огонь. Терпеливый секретарь Эша написал и отослал вежливый отказ. Потом его друг встретил своих двоюродных бабушек, направляющихся сюда, и передумал. Отчасти причиной этого была, безусловно, прелестная компаньонка бабушек, мисс Дженива Смит, но Фитц подозревал, что Эш обрадовался поводу принять приглашение. Теперь, вероятно, вражда закончится.

По его приезду была тут же найдена роскошная спальня. Фитц слышал, что лорда Генри попросили разделить комнату с его неприятной женой, что могло частично объяснить его дурное настроение. О поисках комнаты для Фитца и речи не шло, поэтому он поселился с Эшем. Они и раньше часто поступали так – на постоялых дворах и в других битком набитых домах. Но сейчас ему не хотелось тревожить спящего.

Молодой человек пересек холл и в поисках тепла подошел к огромному камину, где все еще тлело рождественское полено, но ему не под силу было справиться с холодом громадного помещения. Он с уважением отметил, что Родгар обеспечил лакеев теплыми сюртуками и перчатками для исполнения обязанностей в холле. Немногие хозяева отличались такой заботливостью.

Фитц гадал, что Родгар подумает о его собственной роли в приключениях Дамарис. Может, тоже сочтет его охотником за приданым?

Он подошел к краю камина, чтобы рассмотреть прелестную картину с изображением итальянской рождественской сцены, принадлежащую Джениве Смит. Девушка же, очаровательная, умная, сильная, храбрая, стала бы Эшу отличной женой во всех отношениях, если бы только была богата.

Предполагалось, что Эш должен жениться на деньгах, чтобы возродить к жизни имения, которые вдовствующая леди Эшарт довела почти до полного разорения. Семена разрушения были посеяны в этом доме сорок лет назад, когда тетя Эша, леди Августа Трейс, вышла замуж за отца нынешнего лорда Родгара. В течение года она благополучно произвела на свет сына, а еще через два года родила дочь, впала в глубокую депрессию и задушила новорожденное дитя.

Это ужасающее деяние не подверглось судебному наказанию, но ее заточили здесь, где вскоре она умерла, возможно, от чувства вины и скорби. Ей не было еще и двадцати. Ее мать, нынешняя вдовствующая маркиза Эшарт, возложила всю вину на Маллоренов и пообещала уничтожить их. Ее супруг и двое сыновей оказались людьми слабыми и апатичными, не возражающими против ее верховенства во всех делах. К тому же Эш унаследовал все, еще будучи ребенком. Каждый фартинг вдова направляла на попытки подорвать положение Маллоренов в политике, обществе и при дворе. Но ее усилия оказались тщетны, и за последние десятилетия Маллорены достигли процветания благодаря блестящему управлению Родгара.

– Ха! Вы, сэр. – Фитц обернулся и обнаружил лорда Генри, направляющегося к нему. – Где моя подопечная?

– С лордом Родгаром, сэр. – После минутного раздумья он добавил: – Просит, чтобы опекунов над ней было передано ему.

– Что?! – И без того красное лицо лорда Генри побагровело. – Дерзкая девчонка! Черт возьми, он может сделать это.

Фитцу пришло в голову, что для лорда Генри его обязанности опекуна так же неприятны, как и для Дамарис. Это его не извиняет, но едва ли он не станет бороться за свое право продолжать их.

– Своих детей у нас нет, – проворчал лорд Генри. – Не привыкли к молодым людям в доме. У жены от нее мигрень. А она трудная девушка, сэр. Своевольная. Неженственная. Крайне дерзкая. Это до добра не доведет, что, собственно, и случилось.

Хотелось бы Фитцу знать, что же такого натворила Дамарис, что так оскорбило ее опекуна, но он также подумал, что именно те качества, которые отталкивают от нее лорда Генри, привлекают его.

Лорд Генри повернулся и посмотрел в сторону кабинета своего племянника, словно пытаясь проникнуть взглядом сквозь стены. Но в конце концов, ворча что-то себе под нос, прошествовал в Гобеленовую комнату, наиболее уютную из всех гостиных Родгар-Эбби.

«Что ж, – подумал Фитц, – все становится на свои места». Но тут его взгляд наткнулся на презрительную ухмылку одного из лакеев. Ее тотчас же как ветром сдуло, но до Фитца дошло, что он по-прежнему в том же виде, в котором помчался за Дамарис, – в рубашке с расстегнутым воротом и с неубранными волосами. Вот дьявол! Фитц поспешил прочь, чтобы привести себя в порядок. Он тихо вошел в спальню. Эш уже встал, оделся, и вокруг него хлопотал его камердинер Генри.

– Должно быть, это любовь, – сухо прокомментировал Фитц.

Эш швырнул в него расческой. Фитц с улыбкой поймал ее. Он был рад, что его друг встречает день, полный надежд. Эш по натуре не был ни угрюмым, ни жестоким, но он рос под мрачным бременем и был подвержен приступам дурного настроения. Но с появлением Дженивы Смит появился и свет. Да будет он ясным и долгим!

– Ты завтракаешь внизу?

– Где, несомненно, ожидает Дженива. – Эш выхватил у Генри окаймленный кружевом шейный платок и небрежно повязал его. – Довольно, Генри. Я же не ко двору иду. Кстати, – добавил он, обращаясь к Фитцу, – я уезжаю сегодня вместе с вдовой.

Фитц удивился:

– Иисусе, почему?

– А какой у меня выбор? Бабуля не останется здесь, а я едва ли могу сделать ей ручкой из дверей после вчерашнего.

Бабулей Эш называл вдовствующую леди Эшарт. По мнению Фитца, душа и сердце старухи оказались непоправимо отравлены трагедией ее дочери. Но Эш был привязан к ней. Его родители отделились друг от друга спустя какие-то недели после свадьбы и не проявляли никакого интереса к ребенку. Вдова вырастила его и сумела завоевать любовь.

Фитц взглянул в окно.

– Сомневаюсь, что кто-нибудь сегодня уедет, Эш. Опять снег идет.

Эш повернулся посмотреть.

– Вот черт! Ее хватит удар.

– В этом есть и хорошая сторона. Больше времени для примирения между нею и Маллоренами.

Эш покачал головой:

– Она признает, что у тети Августы была неустойчивая психика, но чтобы оправдать Маллоренов, ей пришлось бы взять часть вины на себя. Этого она никогда не сделает. Уступчивость не в ее характере. – «И это еще очень мягко сказано», – подумал Фитц. – Но я сделаю для нее все, что в моих силах. Когда она решит ехать, я буду сопровождать ее домой.

– А как же Дженива? – Не похоже, чтобы Эш был готов расстаться с ней.

– Она поедет с нами, разумеется.

– В Чейнингс? Зимой?

Чейнингс, родовое гнездо Эшартов, был самым неудобным местом из всех, в которых Фитцу доводилось бывать, не говоря уже о полнейшем запустении и разорении. Сырость и сквозняки просачиваются из каждого угла. Истлевшие ковры дышат на ладан. Во всем огромном доме витает запах тления, а куски потрескавшейся штукатурки от малейшего прикосновения грозятся свалиться на голову.

– Дженива не хрупкий цветок, – сказал Эш. – После стольких лет, прожитых на военных кораблях с ее отцом, даже Чейнингс покажется сносным.

– Но мне казалось, ты намеревался строго соблюдать приличия.

Эш забрал у Генри носовой платок, на который тот накапал духами, и сунул его в карман.

– С нами будет бабуля.

– Которая практически не выходит из своих комнат. Ловко. Видимость приличия, позволяющая тебе делать все, что хочешь.

Эш резко повернулся к нему:

– Если бы я мог сделать так, как хочу, то женился бы на Джениве сегодня же. Но пусть она увидит, что получит вместе со мной.

Фитц сел, чтобы стянуть сапоги для верховой езды, угрюмо подумав при этом, что Чейнингс способен отвратить от замужества даже такую девушку, как Дженива. Но конечно же, этого не случится. Любовь крепко поймала ее в свои сети, да и Эш прав насчет ее жизненного опыта. Ее отец был морским капитаном, и они с матерью плавали по морям вместе с ним. Она даже участвовала в морском сражении с барбадосскими корсарами и, как говорят, решила исход битвы, пристрелив капитана корсаров. Если это правда, то ей нипочем ни Чейнингс, ни вдова.

Дамарис Миддлтон вела гораздо менее опасную жизнь, но сделана из того же теста. Фитц замер с сапогом в руке, вспомнив свои слова, сказанные ей: «Обещаю защищать и поддерживать вас, позаботиться, чтобы все вышло так, как вы пожелаете».

Он мог убеждать себя, что как только Родгар согласится взять опеку над ней, его обязательство уже не будет иметь значения, но Фитц был человеком слова. Он подразумевал, что будет приглядывать за ней до конца этого праздника, и наверняка она так это и поняла.

Однако теперь ему придется уехать с Эшем. Причин тому было несколько, но самая настоящая заключалась в том, что он являлся телохранителем Эша. Эш об этом не знал – ему даже не было известно, что его жизни что-то угрожает, но его безопасность – главная забота Фитца.

Три недели назад, когда они с Эшем находились в Лондоне, Фитц, к своему крайнему удивлению, был вызван в Маллорен-Хаус. Поскольку время было назначено до полудня, он сомневался, что маркиз Родгар предлагает нанести ему светский визит. Он отправился на встречу, надеясь, что это имеет какое-то отношение к примирению между Трейсами и Маллоренами. То, что он услышал, оказалось полнейшей неожиданностью.

Родгар, сама холодная вежливость, информировал его, что на Эша готовится покушение. Нет, Фитц не может узнать, кто желает смерти Эшарту и по какой причине. Однако как человека, близкого Эшарту, его просят еще раз употребить свой талант телохранителя на службу королю, чтобы сохранить Эшарту жизнь.

Родгар заверил Фитца, что его услуги потребуются ненадолго. К открытию зимнего сезона восемнадцатого января опасность минует, и он будет свободен и волен делать, что пожелает. К тому же он станет на тысячу гиней богаче – в том случае, разумеется, если Эш останется жив.

Фитц попытался отыскать в этом предложении ловушки, но не увидел таковых. Было, однако, в нем нечто странное и подозрительное, ибо Родгар явно знал больше, чем говорил.

Родгар заверил его, что для тех, кто хочет смерти Эша, нежелателен даже малейший намек на убийство. Любая попытка должна выглядеть как несчастный случай. Это исключало

наиболее очевидные способы убийства – от кинжала до большинства ядов. В то же время Эш – любитель рискованных приключений, а Фитцу запрещено предупреждать его об опасности.

Он хотел было отказаться, но знал, что лучше его никто с этим делом не справится. Он замечал признаки опасности раньше других – шаги, перемещение в толпе, выражение лица, порой даже дуновение воздуха, от которого волосы на затылке встают дыбом. Умение принять своевременно меры предосторожности. Защита – его сильная сторона. Как же он мог доверить охрану Эша кому-то другому?

До сих пор все шло благополучно и не было никаких признаков опасности. В течение нескольких недель перед приездом сюда Эш сломя голову носился по округе, участвовал в состязаниях по фехтованию, посещал шумные вечеринки и притоны и проводил бурные ночи с выпивкой и женщинами, не получив ни единой царапины. Это утешало Фитца, но не удивляло. В оранжерейном мире дворцовых и политических интриг склонны делать из мухи слона.

Но все же он не мог позволить Эшу отправиться в Чейнингс без него. Ему очень не хотелось покидать Дамарис, но не мог же он разорваться.

Самое малое, что он может сделать, – это заботиться о Дамарис столько, сколько будет возможно. Он привел себя в порядок и вернулся в холл.

Дамарис провели в комнату, обставленную со вкусом, но строго. Главным предметом обстановки был большой резной, инкрустированный стол, поверхность которого освещалась зеркальной лампой, свисающей с поднятой руки бронзовой леди в классических одеждах. Вдоль стен располагались полки, заполненные книгами, гротесками и даже свитками, а в воздухе приятно пахло горящим деревом и кожей.

Маркиз, одетый в простой темно-синий костюм, работал над какими-то бумагами в кругу света, но поднялся, когда она вошла. Он указал ей на одно из двух кресел по обе стороны от огня. Теперь она сидела лицом к нему, пытаясь подобрать правильные слова.

У него были такая же смуглая кожа, черные волосы и темные глаза с тяжелыми веками, как и у его кузена Эшарта, но он казался еще более грозным. Родгар, конечно, старше, и всему свету известно, что он советник короля. А она собирается просить его взять на себя ее земные дела!

– Чем могу служить, мисс Миддлтон? – подсказал он.

– Милорд, – проговорила она несколько сдавленным голосом. – Лорд Генри сделал все от него зависящее, чтобы позаботиться обо мне, но... – Вся ее подготовленная речь вылетела из головы.

– Но он не имеет представления, что делать с бойкой молодой женщиной. Нечто подобное я и подозревал. Полагаю, вы должны находиться под его опекой до той поры, когда вам исполнится двадцать четыре или если выйдете замуж с его согласия?

Всеведущий, как сказал Фитц.

– Да, милорд.

– А вам сейчас двадцать один?

– Исполнилось в октябре, милорд.

– Что вы желаете, чтобы я сделал, мисс Миддлтон?

Она растерялась от такого прямого вопроса.

– Я надеялась... если это возможно... – Смелость покинула ее. Затем она устыдилась своего малодушия. – Я смиренно прошу вас взять на себя ответственность быть моим опекуном, милорд.

– Ну разумеется.

И всего-то? К невероятному облегчению примешивалась легкая досада. Она и вправду значит для него не больше, чем лишняя пуговица на его сюртуке. До нее не сразу дошел смысл его следующих слов.

– ...отвезти мисс Смит в Лондон и представить ко двору до брака с Эшартом. Вы будете ее сопровождать.

Его заявление подействовало на нее как ушат ледяной воды.

– Вы этому не рады? – спросил он.

Она силилась подобрать слова.

– Конечно, рада, милорд, но я не уверена, что готова к появлению при дворе.

– Вы и мисс Смит подготовитесь вместе в Лондоне.

Дамарис натянуто улыбнулась, подозревая, что ее улыбка скорее напоминает гримасу. Она хотела в Лондон и ко двору, но ей неприятно делать этот выход бок о бок со своей счастливой соперницей. С потрясающе красивой девушкой, рядом с которой она будет смотреться обезьяной. Однако выбора у нее нет.

– Благодарю вас, милорд. Мне в самом деле нужно ко двору, чтобы найти подходящего мужа.

– Вы поставили себе целью безотлагательный брак?

Она удивленно заморгала:

– А разве есть какая-то альтернатива, милорд? Женщины по возможности выходят замуж. Наследницы выходят замуж всегда. Такое впечатление, что наследница и существует лишь для того, чтобы осчастливить какого-нибудь мужчину своим приданым.

Его губы дернулись.

– Мужчинам, конечно, нравится так думать. Но у состоятельной женщины есть выбор. Когда вам исполнится двадцать четыре, вы сможете, если пожелаете, жить свободно, без чьего бы то ни было надзора.

Жить свободно. Эта идея ослепила Дамарис, но здравомыслие возобладало.

– Подозреваю, что такой путь оказался бы не из легких, милорд.

– Свобода – это всегда нелегко, а управление богатством налагает огромную ответственность и требует тяжелого труда.

– К труду мне не привыкать.

– Но готовы ли вы к испытаниям, риску и опасности?

– Опасности? – У него была странная манера внезапно уводить беседу в другое русло.

– Изоляция опасна для любого, – пояснил он, – но особенно для женщины. По-моему, у вас нет близких родственников?

– Нет, милорд.

– Родственники вашего отца?

– Отреклись от него задолго до того, как он женился на моей матери.

– А ваша мать была единственным ребенком у родителей, тоже не имеющих братьев и сестер?

Откуда ему все известно? Это лишало ее присутствия духа.

– Мужчины, вращающиеся в свете, посвящают значительную часть времени налаживанию связей, – сказал маркиз, – используя родню как исходный материал. Одинокая женщина отрезана от этого. Однако вы обрели семью. Теперь вы будете принадлежать к кругу Маллоренов, если пожелаете.

Если она пожелает? Дамарис так и подмывало засмеяться. На протяжении последней недели она с трепетным изумлением и тоской наблюдала за непринужденной, искренней теплотой, которой пронизаны отношения лорда Родгара и его братьев и сестер. Это было нечто такое, чего ей не доводилось испытать ни в Берч-Хаусе, ни в Торнфилд-Холле.

– Почему? – испуганно вырвалось у нее. – Я вела себя не лучшим образом.

– Вы совершали ошибки, частично из-за отсутствия знаний и опыта, необходимых для того, чтобы вращаться в свете. Это легко поправимо. К тому же вы сильная и волевая, что совсем неплохо.

– Моя мать считала это смертным грехом.

– Возможно, в этом и лежал ключ к ее проблемам. Если у женщины нет собственной силы воли, ей приходится подчиняться другим.

– А разве это не общепринятая норма жизни, милорд?

– Это то, чего вы хотите?

Дамарис задумалась:

– Я не знаю.

Он улыбнулся:

– Подумайте над этим. Что касается вашей подготовки ко двору, вы ведь в последнее время жили тихо и уединенно?

Дамарис встрепелась, чтобы поспеть за этим новым поворотом его мысли.

– Вплоть до приезда сюда, милорд.

– Лорд Генри не устраивал для вас развлечений в Суссексе?

– Я была в трауре, милорд, но небольшие вечеринки с приглашением соседей устраивались.

– Даже траур по матери не требует целого года затворничества. А до этого вы принимали участие в светской жизни Уорксапа?

Ей стоило немалых усилий не рассмеяться.

– Моя мать не питала интереса к подобным вещам.

– А ваш отец?

У нее возникло мятежное желание воспротивиться такому допросу, но она сдержала колкий ответ.

– Отец жил на Востоке, милорд, что, я уверена, вам известно, – все-таки не удержалась она от укола. – Он навещал нас всего три раза, которые я помню, и коротко.

Родгар кивнул.

– У вас была гувернантка?

– Мама сама обучала меня.

– Танцам? Манерам?

– Нет, но в прошлом году лорд Генри позаботился об уроках танцев и прочего.

– И музыки, полагаю. Вы хорошо играете, и у вас прекрасный голос.

Она зарделась от удовольствия, что ее похвалили.

– Да, милорд. Мама обучила меня нотной грамоте, а петь я научилась сама. И потом, разумеется, лорд Генри нанимал учителя.

– Тогда вам остается постигнуть премудрости дворцового этикета. Но поскольку вы с Дженивой будете представлены на балу по случаю дня рождения королевы, то у вас лишь три недели на подготовку.

Это повергло ее в легкую панику, особенно в свете ее последнего фиаско. Но она сможет, она сделает это.

– Благодарю вас, милорд. За ваше согласие стать моим опекуном, за обучение и представление.

Он отмахнулся от ее благодарности:

– Мы не будем пытаться изменить законные соглашения. Насколько я понимаю, мой дядя одобрит любого, кто займет его место.

Похоже на то, что он уже рассматривал подобную возможность.

– Лорд Генри не будет возражать, милорд?

Его глаза улыбались.

– Не в обиду вам будь сказано, моя дорогая, но, судя по некоторым вырвавшимся у него замечаниям, полагаю, он будет только рад.

– Тогда я не понимаю, почему он так цеплялся за свои права! Я была бы счастлива вернуться в Уорксоп в любой момент.

– Ответственность. – Отчетливо произнесенное слово обожгло, словно легкий удар материнской палки по костяшкам пальцев. – Ваш отец оставил вас на попечение моего дяди. Он отнесся к этому со всей серьезностью. Я слышал, был охотник за приданым?

Эллейн. Одинокая и несчастная в Торнфилд-Холле, Дамарис стала легкой добычей для капитана Сэма Эллейна. Он был красивым и лихим, и она позволила ему поцеловать себя. Она думала, что он любит ее, и, возможно, позволила бы ему больше, если бы лорд Генри не застал ее...

Это повлекло за собой порку и ужесточение контроля за ее поведением. В этом, собственно, не было необходимости. Лорд Генри рассказал ей, что список богатых невест был продан охотникам за приданым, а она значится во главе его. Именно тогда она решила, что выйдет замуж по расчету.

– Я усвоила урок, милорд.

– Тогда вам следует понять, что вы не можете и не будете жить одна. Времена, когда девушек похищали, чтобы принудить к браку, миновали, однако вы слишком лакомый кусок, уязвимый во многих отношениях. Вы пытались бежать сегодня утром.

Еще один хлесткий удар.

– Да, милорд. Я прошу прощения. Это был глупый поступок.

– Больше никаких глупостей, пока вы будете под моей опекой.

– Да, милорд.

– Вы не найдете мое руководство обременительным. Разумеется, если не склонны к сумасбродствам.

Возможно, чрезмерное нервное напряжение развязало ей язык.

– А как насчет свободной воли?

– Это когда станете независимы. – Он поднялся.

Дамарис тоже встала, лихорадочно соображая, все ли важные моменты были обговорены. Смена опекуна. Свобода от лорда Генри и Торнфилд-Холла. Дебют в Лондоне, где она сможет выбрать идеального мужа. Возможно, это будет герцог Бриджуотер...

Фитцроджер. Они не поговорили о Фитцроджере. Она обернулась у двери:

– Есть еще один вопрос, милорд. Насчет вчерашнего. Мы с мистером Фитцроджером придумали план.

– Да? – Неужели ей послышалось неудовольствие?

– Он предложил сделать вид, будто мы увлечены друг другом, чтобы никто не подумал, что я все еще страдаю по Эшарту. Но быть может, теперь в этом нет необходимости?

Родгар, казалось, призадумался.

– Вы будете выглядеть глупо, предпочтя его маркизу.

– Предпочтя? – повторила она, стараясь придать своему голосу насмешливое изумление. – Простое святочное развлечение, милорд. Он вполне красив для этого.

– В самом деле?

Она залилась краской.

– Уверяю вас, милорд, что не имею стойкого интереса. У него нет ничего, что должно быть у мужа.

– А именно?

– Титул, положение и власть.

– У лорда Феррерса были титул, положение и власть. Он почти до смерти замучил жену и был повешен за убийство своего слуги.

Ужасная история.

– Мне думается, он был безумен, милорд. Вы ведь предостережете меня против безумца или злодея, не так ли?

Слишком поздно она спохватилась, что опять дерзит, но он пропустил это мимо ушей.

– Фитцроджер запятнан скандалом, но вам не стоит об этом беспокоиться, раз вы не имеете стойкого интереса.

По какой-то непонятной причине это предостережение вызвало в ней чувство опустошенности.

– А если бы я все же проявила интерес к такому мужчине?

– Пока вы являетесь моей подопечной, Дамарис, вы можете выйти замуж за любого благородного мужчину, которого выберете. Этот мужчина должен будет ухаживать за вами, добиваться вас и убедить меня, что он вас достоин. Он не воспользуется слабостью плоти, чтобы добиться вашей благосклонности.

Дамарис сразу же подумала о том, как они с Фитцроджером целовались в карете. Боясь, что опекун прочтет все по ее лицу, она присела, еще раз поблагодарила его за бесконечную доброту и выскользнула из кабинета.

Оказавшись за дверью, она приостановилась, приложив руку к груди и глубоко дыша, чтобы успокоить колотящееся сердце. Ей по-прежнему придется предстать перед этими людьми, но главное, что она выиграла! Если и остальная часть плана сработает, она вновь обретет будущее, полное чудесных возможностей.

И всем этим она обязана Октавиусу Фитцроджеру. Он заслуживает награды. Вероятно, он слишком горд, чтобы принять деньги, но существуют и другие способы вознаградить человека. Она может подкупить какое-нибудь влиятельное лицо, чтобы приобрести для него выгодное положение при дворе или в правительстве, к примеру. Или купить для него полк в армии. Ей только надо разузнать, чего он хочет.

Дамарис пошла дальше с таким чувством, словно внутри ее встает солнце. Когда она, улыбаясь, вошла в холл, то обнаружила там Фитцроджера, дожидającego ее. На нем была та же одежда, в которой он был, когда остановил ее карету, – темно-синий сюртук, бриджи и белая рубашка, – но со всеми необходимыми дополнениями. Туфли сменили сапоги, а буйная шевелюра укрощена лентой. Шею он обвязал простым платком и надел жилет, как обычно, скромного серого цвета. Он словно бы выставлял напоказ свою бедность перед всем светом. Даже по вечерам, когда гости выражались в пух и прах, одежда Фитцроджера была неброской.

Как бы ей хотелось одеть его в шелка и бархат, и непременно с бриллиантовыми пуговицами. С его светлыми волосами он бы выглядел сногшибательно в расшитом золотом кремовом бархатном костюме, который Эшарт надевал на Рождество. «Мой золотой Галаад», – подумала она, но поспешила прогнать этот образ.

– Итак? – спросил он.

– Он согласился.

– Мои поздравления.

– И я еду в Лондон, ко двору, чтобы сделать блестящую партию. Все хорошо, и я глубоко признательна вам, сэр.

Он поклонился:

– Ваши безопасность и счастье достаточная награда, мисс Миддлтон.

Все необходимое было сказано, но Дамарис сожалела о формальности тона, особенно в сравнении с их поведением в карете. Однако, принимая во внимание ту безумную страсть, их теперешняя формальность, без сомнения, именно то, что нужно. Воспоминание было еще столь горячо, что, возможно, даже искрило между ними.

Она сделала реверанс и поспешила укрыться в своей комнате.

Глава 4

Фитц смотрел вслед Дамарис. Она теперь под защитой Родгара, но вскоре вступит в мир, полный опасностей, и Родгар не сможет каждую минуту находиться с ней рядом. Есть еще жена Родгара, которая тоже будет ее наставницей. Однако, будучи графиней Аррадейл, она имеет почти столько же обязанностей, как и ее муж. Дамарис нужен советчик, имеющий больше свободного времени...

Он отвернулся, мысленно устранив. Дела Дамарис улажены, так что теперь он свободен и может обдумать обеспечение безопасности завтрашнего путешествия. На пустой желудок думается плохо, поэтому он направился к столовой.

В тот же момент его окликнули:

– Сэр!

Он обернулся и увидел лакея, спешащего за ним с запиской в руке.

«Ну что там еще?» – подумал Фитц, разворачивая незапечатанное послание от маркиза Родгара, призывающего его к себе. Черт бы его побрал! Фитц предпочел бы сначала поесть, но когда зовет Черный Маркиз, следует подчиняться немедленно и беспрекословно. Он последовал за лакеем и вошел в кабинет. Родгар, холодный и непроницаемый, стоял у огня. Неужели Дамарис рассказала маркизу о том, что произошло в карете?

Фитц поклонился.

Родгар кивнул и указал на кресло. Когда они оба сели, он сказал:

– Прошу, поведайте мне во всех подробностях об утренних событиях, касающихся мисс Миддлтон.

Фитц рассказал, как все было, за исключением, разумеется, поцелуя. Он не прочел ничего на лице своего собеседника.

– Вы увидели, что карета уезжает. Как?

– Я встаю рано, милорд. Когда я поднялся, то выглянул в окно, чтобы посмотреть, какая погода. Тогда-то я и увидел отъезжающую карету.

– Почему вы решили, что в ней мисс Миддлтон?

– Я не знал наверняка, но должен был проверить.

– Но из-за этой вашей проверки Эшарт остался без защиты.

Фитц имел многолетний опыт в умении скрывать свое раздражение перед вышестоящими чинами.

– Мы с вами сошлись на том, что мне никогда не удастся уследить за каждым его движением, милорд, не сказав ему, почему я это делаю. Я полагал, что пока он спит в своей комнате в вашем доме, ему ничто не угрожает. – Фитц увидел лазейку и ухватился за нее. – Зато сейчас он встал и спустился вниз к завтраку. Мне следует поспешить к своим обязанностям.

– Пожалуйста, сядьте, Фитцроджер. – Несмотря на учтивый тон, это был приказ. – Эшарту в данный момент ничто не грозит, и меня немедленно информируют о малейшем изменении ситуации.

Фитц сел. Что-то изменилось. Эти рождественские празднества были увеселениями элегантно-утонченными, но спокойными и непринужденными, и он полагал, что Эш здесь в безопасности. Он все равно принимал меры предосторожности и был начеку, но не ежесекундно.

– После вчерашних событий опасность, грозящая Эшарту, вполне вероятно, возросла, – возвестил Родгар.

Фитц стал лихорадочно соображать, что же такого из вчерашних событий он упустил. «День подарков», второй день Рождества, – это праздник для слуг в Родгар-Эбби, поэтому большинство гостей по мере возможности сами заботились о себе. Сестра маркиза леди Уолгрейв недавно родила, посему требовалась детская прислуга, и наверняка леди Эшарт не отпу-

стила своих приспешников попить и потанцевать. Приезд вдовы и последующие за ним события были захватывающими, но едва ли опасными.

– Вдова? – спросил он. – Вы думаете, она представляет опасность для Эша? Уверю вас, милорд, она души в нем не чает.

Родгар вскинул руку, останавливая его.

– Разумеется, она не причинит ему вреда. Во всяком случае, не насилием. Губительна его помолвка, особенно ее пылкий характер.

– Без должного достоинства, милорд, я согласен, но губительная?

– Когда мы разговаривали в Лондоне, мой кузен неспешно продвигался к союзу с состоянием мисс Миддлтон. Теперь же ему не терпится как можно скорее вступить в брак с мисс Смит. Я выиграл немного времени, убедив его подождать, пока Дженива не будет представлена ко двору, но это лишь несколько недель.

Терпение Фитца лопнуло.

– Недель до чего?

– До того, как наемный убийца будет готов на все. Намерение Эша жениться как можно скорее делает ситуацию критической. А его решение уехать отсюда вместе с нашей бабушкой усложняет ее до крайней степени.

– Путешествие представляет некоторый риск, милорд, но оно может быть проделано за день.

– Как бы то ни было, в Чейнингсе не будет так безопасно, как здесь.

– Штат обслуги там крайне мал, это верно.

– Я пошлю дополнительных верховых с вашей партией, и они могут остаться, чтобы помочь с предстоящей поездкой в Лондон. Я также организую, чтобы несколько подготовленных людей находились поблизости и поступили в ваше распоряжение, если понадобится. Рекомендую по возможности удерживать Эшарта в доме.

– Нелегко, но я сделаю все, что в моих силах, милорд. Так, значит, после свадьбы Эш будет вне опасности? Тогда почему бы не ускорить свадьбу? Уверен, что его можно убедить.

Выражение лица маркиза осталось суровым и непреклонным.

– Со свадьбой сопряжена предельная угроза. Мы должны надеяться, что к тому времени проблема будет решена.

– Если вы больше не можете дать мне никакой информации, милорд, я вернусь к своим обязанностям.

– Вы, похоже, чем-то расстроены.

Нотка юмора оказалась последней каплей.

– Чертовски трудно сражаться с тенью, милорд. Когда речь идет о жизни и смерти, я предпочитаю твердую почву и полную ясность.

– Как все мудрые люди. – Родгар поднялся проводить его до двери. – Мне очень жаль, но я связан строжайшим требованием сохранить подробности в тайне. Для вашего же блага, – добавил он. – Знание опасно.

Это натолкнуло Фитца на размышления. Он-то полагал, что угроза исходит от врагов из разряда обычных: тех, кто завидует успеху Эша у женщин или даже его манере носить сюртук; тех, кто стал жертвой его горячего нрава или считает себя по его милости рогоносцем. Слова Родгара наводили на мысль о государственных делах и тайнах, от чего, полагал Фитц, ему удалось отделаться. Но какое отношение эти дела могут иметь к Эшу? Он принимает гораздо меньшее участие в политической жизни, чем следовало бы.

– Незнание тоже может быть опасным, – заметил он.

– Выбирайте из двух зол.

Фитц помедлил, потом сказал:

– Я выбираю знание.

Легкая улыбка маркиза была одобрительной.

– В таком случае я сожалею, но это запрещено.

– Кем? – Фитц сознавал, что его тон возмутителен, но ему уже было все равно.

– Королем.

Все остановилось. Фитц мог бы поклясться, что позолоченные часы перестали тикать и даже языки пламени в камине замерли.

Родгар преподнес свои первоначальные распоряжения как идущие от короля, но многое из того, что делается именем короля, не имеет ничего общего с его величеством. Если же король лично заинтересован в этом, тогда он, Фитц, ничего не желает об этом знать. Возможно, он единственный, кто в состоянии защитить Эша. Он имеет знания, опыт, и он на месте.

– Итак, милорд, опасность, грозящая Эшарту, связана с важными государственными делами. Я должен уберечь его, не подавая ему ни малейшего намека на опасность. Его помолвка увеличивает риск, но вы не пытаетесь предотвратить его отъезд из этого дома, где он в безопасности.

– Не вижу способа заставить его остаться. Он прав в том, что не может позволить огорченной вдове одной возвращаться в Чейнингс. В любом случае Эшарт скоро поедет в Лондон для представления Дженивы ко двору. Насколько хорошо он управляется со шпагой?

Фитц задумался.

– Хорошо.

– Только хорошо или вы скупитесь на похвалу?

Немного подумав, Фитц повторил:

– Хорошо.

Он понял, о чем спрашивает Родгар. Вызов на дуэль использовался как способ убийства и раньше.

Родгар немного помолчал, задумчиво глядя вдаль.

– Я бы хотел сам оценить его способности. Мы проведем состязание по фехтованию. Незадолго до обеда. В два часа. – Он взглянул на Фитца: – Не считая дуэли, как бы вы его убили?

Этот разговор был похлеще стремительной рукопашной схватки.

– Тонкий кинжал во время деревенского праздника. Если воткнуть правильно, жертва вначале почувствует лишь легкий удар, и крови мало. Есть время скрыться. Но нет, это должно выглядеть как несчастный случай. Вы можете объяснить этот аспект, милорд?

– Король, как я уже сказал, лично заинтересован и ясно дал понять, что благополучие Эшарта священо.

– У меня такое впечатление, что они недолюбливают друг друга.

– Верноподданный не может не любить своего короля, – мягко отчитал его Родгар. – Но да, его величество не питает любви к Эшарту. Это идет от детского соперничества.

Должно быть, потрясение Фитца отразилось у него на лице, ибо Родгар улыбнулся.

– Они почти одного возраста, и вдова увидела в этом возможность создать Эшарту положение при дворе. Она устроила, чтобы они играли вместе. Эшарт одарен многими талантами от природы, но учтивость и умение угождать пришли позднее.

– Он выигрывал.

– Во всем. Разумеется, его величество выше таких мелочных обид, но и совсем забыть их не может.

– В таком случае покровительство великодушно с его стороны.

– Его величество справедлив. Поэтому те, кто желает смерти Эшарта, не хотят быть пойманными на этом. Посему, какие виды якобы случайной смерти вы могли бы изобрести?

– Дурная еда, плохая лошадь, небольшая рана, которая не заживет. Существуют яды, которые имитируют сердечный приступ, апоплексию и припадки. Наемный убийца сведущ в премудростях этого ремесла?

– Возможно, поэтому вас и рекомендовали для защиты.

Фитцу больше нечего было сказать. Ситуация была странной, но он не усомнился, что Родгар и король всерьез обеспокоены.

– Что касается путешествия, – продолжил Родгар, – у Эшарта здесь две кареты: в одной приехали двоюродные бабушки, а в другой прибыла вдова. Они обе могут вернуться вместе с еще двумя – для багажа и для слуг. Мои люди поедут впереди, чтобы подготовить остановки по пути следования для смены лошадей и отдыха. Им можно вполне доверять.

Фитц предположил, что Черному Маркизу временами приходится заботиться о собственной безопасности. Он задумался над другими вопросами организации путешествия.

– Вдова потребует для себя лучшую карету, милорд, поэтому Дженива может поехать в другой. Не стоит сажать их вместе.

– Безусловно. Но у Дженивы будет компаньонка. Двоюродная бабушка Талия согласилась поехать с ней.

Фитц надеялся, что глаза не выдали его тревоги. Он чувствовал себя верблюдом, на которого нагружают все больше и больше тюков. Его первостепенная задача – охранять Эша. Вдобавок он должен сопровождать взбешенную вдову и человека, на которого она больше всего зла, – Джениву. В довершение этого выясняется, что ему еще предстоит взять с собой золовку вдовы, леди Талию Трейс, а между двумя дамами старая неприязнь. Леди Талия – сестра давно умершего мужа вдовствующей маркизы, Чейнингс когда-то был ее домом. Говорят, однако, что вскоре после свадьбы мать маркиза и его незамужние сестры поселились в Танбридж-Уэллз и с тех пор не возвращались в Чейнингс.

Пожалуй, неудивительно, что леди Талии захотелось навестить этот дом, но она, мягко говоря, эксцентрична. В свои семьдесят она одевается так, словно ей семнадцать, болтает без умолку и любит вмешиваться в жизнь других людей. К тому же она помешана на висте. Фитц не жаловал эту игру, но знал, кто будет четвертым. Уж точно не вдова.

– Полагаю, надо радоваться, что на светлых волосах седина не видна, милорд.

Родгар улыбнулся:

– Тем более что я намерен послать еще и Дамарис Миддлтон в эту поездку.

Фитц редко задавался вопросом, бывают ли сны наяву, но, быть может, он все еще спит, ибо у него сейчас определенно галлюцинации.

– Она последний человек, кого Эш с Дженивой захотят видеть рядом, а Чейнингс – не то место, где она хотела бы находиться.

– Это позволит ей избежать нежелательного внимания здешней публики и даст мне время исправить впечатление от вчерашнего. Я также надеюсь, что они с Дженивой научатся быть приветливыми. Когда они выйдут в свет, то по-прежнему будут в центре внимания.

Привыкший манипулировать людьми, маркиз плел какую-то интригу.

– Посылая мисс Миддлтон, вы подвергаете ее опасности, милорд.

– Этот наемный убийца знает свою цель и не будет небрежен.

– Самый легкий способ замаскировать убийство – сделать его одним из многих.

Родгар нахмурился:

– Вы правы. Однако Джениву вряд ли удастся отговорить, да и леди Талия хочет поехать. Я верю в вас. И вы должны понять, что сейчас для Дамарис лучше уехать отсюда. Оставшись, девушка будет постоянно, так сказать, под прицелом, а она склонна вначале стрелять, а потом думать. Быть может, вам удастся исправить это, пока будете в Чейнингсе.

– Я должен быть ее наставником?

– В этом и в других вещах. Помогите ей понять, что она желанная женщина. – Видимо, шок отразился на лице Фитца, потому что Родгар добавил: – Исключительно с помощью флирта и комплиментов. Но она дочь пирата и склонна не задумываясь протягивать руку за тем, чего ей хочется. Для нее будет лучше не хвататься за первого же придворного, который вскружит ей голову.

– Это маловероятно, милорд. Она твердо намерена заключить выгодную сделку.

– Мне хотелось бы для нее большего.

– Вы романтик, милорд?

Фитц иронизировал, но Родгар вскинул брови:

– Я женился по любви менее пяти месяцев назад. Кем же я еще могу быть?

Фитц не знал, что и сказать. Любовь супругов была не в моде.

– Стыд и позор, я знаю, – усмехнулся Родгар, – но, как большинство новообращенных, я истово верующий. Я желаю любви для всех. Эшарт уже уверовал. Я желаю того же для Дамарис и, когда придет время, разумеется, и для вас.

– Благодарю вас, но нет, сэр.

– Мой опыт подсказывает, что любовь не подчиняется рассудку и от нее не просто отказаться. Не позволяйте флирту выходить из-под контроля.

Фитц чувствовал себя неуверенным и издерганным, словно продвигался в тумане, в любой момент ожидая засады.

– Если вы не доверяете мне, милорд, то зачем вы поручаете мне это задание.

– Насколько я понял, вы с Дамарис уже выработали такой план. Я просто развиваю его. Состязание по фехтованию будет прекрасной возможностью показать, что она не питает нежных чувств к Эшарту и развлекается в свое удовольствие с вами. То есть если... вы фехтуете?

– Да, милорд.

– Значит, будете сопровождать ее вниз, очаровывая и всячески угождая. На состязании она встретится с Эшартом и Дженивой без всякого намека на неудовольствие.

– Эшарт знает об этом?

– Я сообщу ему. Дамарис с Дженивой будут сидеть вместе, как подруги...

– Подруги! – Этот человек невозможен. – Вы не боитесь, что кто-нибудь из гостей может использовать состязание для того, чтобы совершить убийство?

– Нет, – сказал Родгар, – но если кто-то и попытается, это, несомненно, прояснит ситуацию. Мы будем использовать фехтовальные рапиры, – добавил он. – Затруднительно убить кого-то рапирой.

Чувствуя себя загнанным в угол и обведенным вокруг пальца, Фитц спросил:

– Мне позволено выиграть?

Тяжелые веки слегка приподнялись.

– Вы считаете, что можете?

Родгар слыл блестящим фехтовальщиком, но Фитц ответил:

– Да.

Маркиз помолчал, задумчиво глядя на него, затем улыбнулся:

– Состязание станет еще более интригующим. Очень хорошо. После соревнования мы пообедаем в мире, гармонии и веселье. Вечером будут танцы, где Дамарис сможет показать, что она бодра, весела и не влюблена. А завтра, если позволит погода, она уедет, прежде чем маска упадет.

– Вы сообщите мисс Миддлтон обо всем этом, милорд?

– Нет, сообщите вы. Найдите способ убедить ее согласиться.

Фитц обреченно подумал, уж не наказание ли это ему за то, что он вернул Дамарис обратно.

– Наше обсуждение завершено, милорд? – спросил он.

- Не совсем. Вы можете позволить себе гардероб для выхода в свет?
- Нет, поэтому вам придется подыскать другого телохранителя для Эшарта при дворе.
- Вы посещаете игорные дома?

Глупо надеяться, что Родгару неизвестно, что он использовал эти заведения, чтобы пополнить карманы.

- Время от времени.
- Вы знаете заведение Шебы на Карлион-стрит?
- Слышал о нем. Местечко для избранных.

Родгар улыбнулся:

– Верно подмечено. Изысканный ад для сливок общества. Уверен, что кое-кто из наших титулованных грешников предпочел бы окончить свои дни в таком аду, чем гореть в геенне огненной рядом с отбросами. В любом случае играйте у Шебы. Вы сорвете банк, что объяснит, почему вы можете позволить себе дорогое платье.

Похоже, что ухоженные руки Родгара запущены в весьма оригинальные пироги. Но Фитц не хотел идти ко двору или вращаться в высших кругах.

– Одиночный выигрыш, даже вполне приличный, не обеспечит меня всем необходимым, милорд.

– Тогда я рекомендую «Паргетер», заведение, где камердинеры избавляются от подаренной им слишком роскошной одежды.

Фитцу были знакомы такие места, но Родгар должен знать, что его будут демонстративно избегать при дворе и не допустят во многие дома.

- А если я предпочту не вращаться в придворных кругах, милорд?
- Я буду разочарован. А Эшарт останется без должной защиты.
- Несмотря на ваше постоянное присутствие, милорд?

– Мой дорогой Фитцроджер, находясь при дворе, я вовлечен в дуэли с дюжиной оппонентов и в танец с акулами, шныряющими у моих ног. У меня нет времени на развлечения.

Искренность этих слов была обезоруживающей, и Фитц перестал упорствовать. Быть может, покровительство Родгара и Эшарта воспрепятствует открытой враждебности, но вернуться в свет будет чертовски неприятно.

– Хорошо, милорд. – Он исполнил один из своих наиболее витиеватых поклонов и поспешил ретироваться, увидев одну светлую сторону всей этой кутерьмы. Теперь он сможет охранять Эша, не покидая Дамарис. Если, конечно, ему удастся убедить ее согласиться отправиться в Чейнингс в качестве милой компаньонки Дженивы Смит.

Он не сможет выдержать это на пустой желудок. Отправившись в столовую, Фитц обнаружил там Эша и Джениву, сидящих рядышком с таким видом, словно вполне могут питаться одним воздухом, пока вместе. Лорд Брайт Маллорен, брат Родгара, тоже находился за столом, но сразу после прихода Фитца извинился и ушел.

Совпадение? Или лорд Брайт был временным телохранителем даже здесь, в Родгар-Эбби?

Глава 5

Когда Дамарис вернулась в свою комнату, энергия отчаяния, которая бурлила в ней целое утро, вся вытекла. Большую часть предыдущего дня она проспала под влиянием опия. Это и неизбежность краха почти всю ночь не давали ей уснуть. Силы ее истощились, и, кратко поведав Мейзи новости, девушка сняла верхнюю одежду, забралась в постель и уснула крепким сном. Проснувшись она от того, что Мейзи трясла ее.

– Без четверти час, мисс. Вам пора вставать.

– Зачем? Обед только в три.

– Да, но заходил этот Фитцроджер и сказал, что в два вы должны идти с ним на состязание по фехтованию. Часть вашего плана – показать, что вы не переживаете из-за Эшарта. Хотя я и не думаю, что вам стоит связываться с этим типом. Он охотник за приданым как пить дать.

– Лорд Эшарт? – спросила Дамарис, нарочно притворившись, что не поняла, о ком речь. – Ну разумеется. Точнее, был им.

– Фитцроджер! – воскликнула Мейзи. – А это записка от маркизы, ее слуга сказал, что это срочно. Он ждет за дверью.

Дамарис села, протирая глаза.

– Что ей нужно?

Она развернула сложенную бумагу и обнаружила короткий приказ немедленно явиться в комнату вдовы. Дамарис подумала было отказаться, но решила не демонстрировать своего страха перед деспотичной старухой и выбралась из постели.

– Сейчас я снова облачусь в свою дорожную одежду, но приготовь что-нибудь к тому времени, как я вернусь. – Она поспешно натянула тяжелую юбку и стеганный жакет, перебирая в уме свой гардероб. – Осенний закат.

«Осенний закат» – цветистое название, данное портнихой за рыжевато-розовый цвет шелка, из которого было сшито платье. Здесь Дамарис еще не надевала его. Чувствуя себя неуверенно в новом для нее мире, она выбирала более приглушенные тона.

Однако сегодняшний день, как никакой другой, требовал смелости.

– Ваши волосы растрепались, мисс, – сказала Мейзи.

Дамарис села, чтобы служанка привела их в порядок.

– Поторопись. Позже причешешь меня как следует.

– Тогда вам лучше не задерживаться, мисс.

Дамарис вышла и проследовала за лакеем извилистым путем до двери, где он постучал и, услышав властное «войдите!», открыл дверь.

Старая дама возлежала на кровати, совсем не похожая на тирана. Леди Эшарт была маленького роста и полная, что создавало обманчивое впечатление мягкости. К тому же она одевалась в теплые цвета, отделанные кружевными рюшами. Волчица в овечьей шкуре.

Ее теплый стеганный ночной колпак был окаймлен широкой оборкой английского кружева с голубой вышивкой и завязан ленточками под пухлым двойным подбородком. Из-под чепца виднелись седые локоны того же цвета, что и пушистая шаль из серой шерсти. Здесь не было запаха, присущего старости, лишь легкий аромат лаванды.

Это все было причиной теперешних бед Дамарис. Когда она навещала Чейнингс как будущая жена Эшарта, вдова показалась ей надменной, но приятной. Сейчас дама взмахом руки отослала свою немолодую служанку и рявкнула:

– Я недовольна вами, мисс Миддлтон.

Дамарис не опустится до пререканий.

– Я сожалею, леди Эшарт.

– Это катастрофа, девочка, и вина за нее полностью лежит на тебе. Пребывание здесь Эшарта не входило в мои планы, но раз уж такое случилось, разве ты не могла извлечь из этого пользу, вместо того чтобы позволить вертихвостке вонзить в него коготки?

Дамарис сосчитала до трех.

– Эшарт прибыл сюда с мисс Смит, миледи. Полагаю, они уже были увлечены...

– Увлечены! Вся округа болтает о том, чем они были увлечены, когда их застали в постели на постоялом дворе!

– Тогда им просто необходимо пожениться!

– Ха! Если Эшарт будет жениться на каждой юбке, с которой спит, ему потребуется гарем.

– Но он любит...

– К черту любовь! – взвизгнула вдова. – Весенние капли росы, которые испаряются в мгновение ока. Я видела больше бед от браков по любви, чем от разумных соглашений. Эшарт должен жениться на деньгах. На вас.

Дамарис изумленно смотрела на этого тирана в юбке, затем сказала решительно:

– Теперь я не пойду за лорда Эшарта ни при каких условиях.

– Ты настолько глупа? Ты не найдешь лучшей партии, девочка, несмотря на все твои пиратские гиней.

– А я уверен, что найдет. – Дамарис повернулась и обнаружила, что в комнату вошел лорд Эшарт. Она никогда не думала, что будет так рада видеть его. – Хватит мучить мисс Миддлтон, бабуля. Во всем этом нет ее вины, и, впутав ее, мы оказали ей плохую услугу.

– Если она поставила себя в неловкое положение, то это из-за тебя, негодник ты этакий, тебе и исправлять. Ты со своим дьявольским очарованием можешь заговорить зубы любой...

– Я люблю Джениву, бабуля. Если ты будешь воевать со мной из-за этого, ты проиграешь.

Тон маркиза не был резким, но, несмотря на ласковое обращение, невозможно было не заметить весомой власти его слов.

– Щенок! – оборвала его старуха.

Эшарт не отреагировал.

– Как сказала мисс Миддлтон, она слишком благоразумна, чтобы выйти за меня теперь, даже если бы можно было заставить меня отказаться от Дженивы, а это невозможно. Рано или поздно наступает время, миледи, когда приходится признать свое поражение.

Вдова прямо-таки взвилась над своей горой подушек, на щеках загорелись красные пятна.

– Я уеду из Чейнингса и больше никогда не заговорю с тобой.

– Да будет так.

Оказавшись меж двух огней, Дамарис попятилась к двери. Она вздрогнула от прикосновения, но Эшарт просто проводил ее.

– Мои извинения, мисс, – сказал он, выводя ее в коридор.

– И не думай... – послышался громогласный голос вдовы. Но он был заглушен закрывшейся дверью. Эшарт, смельчак, остался внутри.

– Вырваны из лап дракона бесстрашным героем?

Дамарис вздрогнула от неожиданности, приложив руку к груди.

– Что? Вы что, собака Эшарта, сэр, которую оставляют ждать за дверью?

– Гав! – Но Фитцроджер улыбался. – Я прибыл как оруженосец святого Георгия, но, похоже, моя помощь не понадобилась, ну разве только для того, чтобы проводить деву в безопасное место.

Она оглянулась на дверь.

– Действительно, дракон. Она пригрозила уехать, если Эшарт женится на мисс Смит.

– Заманчивая перспектива, но маловероятно. Она прожила там шестьдесят лет, и большую часть из них правила железной рукой. Кстати, о Чейнингсе...

– Да?

– Вы уже бывали в здешней библиотеке?

– Мимоходом, когда нам показывали дом.

– Тогда идемте. Это недалеко.

Дамарис заколебалась. Что-то странное витало в воздухе. Но что дурного в том, чтобы находиться вместе в библиотеке? Возможно, ему нужно обсудить их план.

– Только ненадолго, – сказала она, быстро шагая. – Мне надо переодеться к состязанию по фехтованию. Какова его цель?

– Простое развлечение.

Она пыталась разглядеть, что скрывается за его безмятежностью.

– Откуда вам стало известно, что меня нужно выручать?

– Родгар узнал, что вас вызвали, и попросил Эшарта вмешаться.

– Слава богу, вдова скоро уедет.

Он открыл дверь, и Дамарис вошла в великолепную комнату, ничуть не удивившись, что в ней никого нет. Несмотря на позолоченную резьбу и расписной потолок, библиотека Родгар-Эбби была сдержанной, даже строгой. Ее никак нельзя было назвать уютной.

Никаких мягких кресел у потрескивающего огня для удобства людей, желающих почитать газету или вздремнуть. Возле каждой оконной ниши стоял суровый средневековый бювар, а посреди комнаты – три стола в окружении простых стульев. Не вскрикнул ли в ужас нарисованные на потолке ученые и философы, увидев, что кто-то пришел сюда просто поговорить?

– Итак? – спросила Дамарис, неторопливо проходя к одному из бюваров, словно очарованная им, но на самом деле чтобы оказаться отделенной от Фитцроджера одним из длинных столов. Он все еще волновал ее.

– Я тоже имел беседу с лордом Родгаром.

Она повернулась к нему:

– Он был очень зол?

– За то, что я привез вас обратно? Совсем наоборот.

– Ну, тогда я рада. Возможно, он станет вашим покровителем.

Странное выражение промелькнуло на его лице.

– Может, и станет, но он требует, чтобы я оказал ему услугу.

– Что вы должны сделать?

– Поехать в Чейнингс с Эшартом и Дженивой. Эшарт пожелал сопровождать свою бабушку домой, и, разумеется, его нареченная должна поехать вместе с ним.

Дамарис издала короткий смешок.

– Бедняжка. Я была с визитом в октябре, и уже тогда там было сыро и холодно. – Затем до нее дошло: – Вы бросаете меня!

– Я сожалею о такой необходимости, но произошло столкновение обязательств...

– Эшарт что, ребенок, который нуждается в няньке?

– А вы?

Она дернулась, словно ее ударили, и направилась к двери. Он перехватил ее между двух столов, отрезав ей путь.

– Прошу меня извинить. Мне не следовало этого говорить.

– Не переживайте, сэр. Я освобождаю вас от каких бы то ни было обязательств. Теперь, когда лорд Родгар мой опекун, я не нуждаюсь...

Поцелуй прервал ее речь. Она была слишком потрясена, чтобы отреагировать, к тому же он был коротким, но все равно оставил покалывающее ощущение на губах.

– Конечно, вы не нуждаетесь во мне. – В его глазах застыло смятение, словно он был ошеломлен так же, как и она. – Но это не означает, что вам надо быть здесь одной.

– Значит, вы не поедете?

– Увы, я должен.

– Почему?

– Когда Эшарт уедет, мне не будет места в гнезде Маллоренов. Как и зачем я могу остаться?

– Чтобы ухаживать за мной, – бросила она. – Кого удивит, если искатель приключений без гроша в кармане злоупотребит гостеприимством хозяев, чтобы поухаживать за наследницей?

– Черт бы побрал твой длинный язычок, маленькая мегера.

Она вздернула подбородок:

– Спасибо. Я всегда хотела быть мегерой.

– Ведьмой? Фурией?

– Женщиной, которая ведет себя как мужчина. Говорит, что думает, оспаривает ошибки, принимает решения и добивается, чего хочет. Что я и буду делать!

– Вы меня пугаете.

Она ухватила за это.

– Хорошо. Вы должны остаться, чтобы охранять меня.

– Я не могу.

Она презрительно рассмеялась и повернулась, чтобы уйти.

Он схватил ее за запястье:

– Не убегайте снова.

Дамарис застыла, горячие искры побежали по руке от этого соприкосновения.

– Избавиться от вашего общества, сэр, не значит убежать.

– Вероятно, нет. – Он шагнул ближе и поцеловал ее в затылок, даже слегка прикусив. Дрожь пронзила ее от этого нового ощущения. – Прошу вас, милая леди, – пробормотал он, – останьтесь.

Она попыталась удержать придающую ей силы злость, но когда он повернул ее лицом к себе, обе руки на ее плечах, она не смогла устоять. Его большие пальцы прижимались сквозь слои одежды, совершая круговые движения, от которых у нее кружилась голова.

– Я должен сопровождать Эшарта в Чейнингс, Дамарис. Эта обязанность предшествует моему слову, данному вам. Я очень сожалею, ибо мои обещания для меня священны.

– Вам придется объясниться конкретнее.

– Не могу.

– О чем, ради всего святого, вы говорите? Государственные тайны? – Заметив промелькнувшее на его лице выражение, она сделала большие глаза. – В Чейнингсе?

– Не надо.

Мягкое предостережение заставило ее замолчать, но мысли лихорадочно завертелись. Государственные тайны в Чейнингсе? Это не имело смысла, но все инстинкты кричали об угрозе. И это не опасность зова плоти. Эта мысль привела ее в трепетное волнение.

– Что это? Шпионы? Если так, то мне хотелось бы поехать с вами.

– Ну так поехали. Вы можете быть компаньонкой Дженивы.

– Что? – Она вырвалась. – Я последний человек, которого она захочет видеть рядом, и не собираюсь целую неделю или больше сидеть с ней и Эшартом взаперти.

Он сократил разрыв между ними.

– Вы будете сидеть взаперти еще и со мной.

Греховный трепет пробежал по телу.

– В Чейнингсе, – подчеркнула она, отступая. – Затхлом, сыром, обветшалом и насквозь промерзшем.

– Мы придумаем, как согреться.

Ее спина уперлась в полки.

– Там собачий холод. Мы подхватим воспаление легких.

Он поставил руки по обе стороны от нее и наклонился ближе:

– Вы же сильная и крепкая, и у вас есть ваши красивые, густые меха. – Он протянул последние слова, превращая ее мысли в туман.

Из-за его роста она чувствовала себя окруженной со всех сторон, но не возражала, особенно когда от его мягкого, низкого голоса по ее коже бегали мурашки, как от прикосновения этих самых мехов.

– Поехали, – уговаривал он. – Вы убедите всех, что не страдаете от неразделенной любви, и сможете отбыть с развевающимися знаменами.

Ей понравилась такая перспектива.

– Поцелуйте меня, – прошептала она, – и, может быть, я поеду.

Его губы прижались к ее губам, и она расслабилась. Она обняла его за шею и наклонила голову набок, чтобы больше насладиться им, потрясенная тем, как простой поцелуй может затопить все тело восхитительным удовольствием.

Дамарис оттолкнулась от стены, чтобы быть ближе, и его руки обвились вокруг нее. Она бы слилась с ним, растворилась в нем, если б могла. Она никогда не знала такого блаженства, не ведала, что оно существует. Девушка повернула голову, пытаясь быть еще ближе, открывая рот шире, чтобы исследовать его жар и вкус...

Он оторвался, и Дамарис открыла глаза.

– Ты выглядишь удивленным, – сказала она улыбаясь.

– Скорее, потрясенным. Но ты поедешь в Чейнингс? Ты определила поцелуй в качестве платы и получила его.

Она оттолкнула его, но он схватил ее за руки:

– Я не то хотел сказать.

– Вы говорите много того, чего не хотите! – возмутилась она.

– Только с вами.

Она перестала вырываться.

– Мне это нравится.

– Мегера, – сказал он, но с теплотой в глазах. – Это имеет смысл, Дамарис. Вы ведь не хотите оставаться здесь?

– Но Чейнингс?..

– И я. – Он опустил руки ей на талию, а она положила ладони ему на плечи, поигрывая пальчиками. – Кошка, – сказал он. – Не выпускай свои коготки.

Она знала, что ее чуть раскосые глаза делают ее похожей на кошку, но до сих пор считала, что это плохо.

– А не будет ли это неприлично? Эшарт и мисс Смит? Вы и я?

– И вдова. И леди Талия тоже будет там. Она любит Джениву и хочет навестить дом своего детства. – Он начал осыпать поцелуями ее нос, щеки, снова губы. – Вы поедете?

– Сатана, – пробормотала она, пытаясь думать.

Холодный, мрачный дом. Вдова. Эшарт и мисс Дженива, влюбленные до тошноты. Фитцджер. Таинственный Фитцджер, которого ей хочется узнать ближе. Еще поцелуй...

С Эшартом и мисс Смит, изнемогающими от любви друг к другу, и их дуэньями – двумя старыми дамами, которым требуется вздремнуть, разве не будет достаточно времени наедине с ним? Мудрая женщина бежала бы от этого как от чумы, но могла ли она быть рассудительной, когда его губы мягко играли на ее губах?

Осталось так мало времени до того, как она станет благоразумной, – поедет в Лондон и найдет подходящего мужа...

Она отодвинулась, ощущая, как одежда прикасается к чувствительной коже. Соблазн боролся со здравомыслием, и трезвость не проиграла окончательно. Девушка взяла его лицо в свои ладони.

– Вы обещаете, что не соблазните меня там?

Его глаза округлились, но взгляд остался твердым.

– Я обещаю не совращать вас нигде, Дамарис. Не потому, что моя низменная натура не захочет, просто честь не позволит. И еще. У меня здоровый инстинкт самосохранения. Мне бы не хотелось сделать Родгара своим смертельным врагом.

Дамарис глубоко вздохнула.

– Тогда, если Дженива сможет это вынести, я поеду в Чейнингс.

Он отступил назад.

– Хорошо.

Дверь библиотеки открылась. Они обернулись. Вошел Эшарт.

– Радуйтесь! Я все еще цел и невредим. Мисс Миддлтон согласилась поехать с нами?

Дамарис воззрилась на Фитцроджера, больно задетая. Он только что поцелуями добился от нее согласия на уже утвержденный план. И почему Эшарт разговаривает так, словно ее здесь нет?

– Мисс Миддлтон согласилась, – раздраженно бросила она, что заставило Эшарта хотя бы взглянуть на нее.

«Настороженно», – с удовлетворением отметила Дамарис. Она не гордилась своим недавним поведением. Но ей нравилось, что могущественный маркиз Эшарт нервничает из-за нее. Он поклонился:

– Мои извинения, мисс Миддлтон. И заранее прошу прощения за неудобства Чейнингса.

– Я была там, милорд.

Он на мгновение нахмурился, прежде чем сказать «Ах да».

Дамарис скрипнула зубами. Неужели этот несносный человек даже не помнит? Он ведь тоже был там, оказывал ей знаки внимания, очаровательно ухаживал за ней. Точнее, за ее деньгами.

– Сейчас неудобств будет еще больше, – сказал маркиз, и до нее дошло, что, откажись она ехать, он был бы рад. Прекрасно. Ей доставит удовольствие быть бельмом на глазу и у него, и у мисс Смит.

– Я переживу, милорд. Я не росла в роскоши.

Он метнул на нее недружелюбный взгляд. Фитцроджер вмешался:

– На состязании Дженива будет дамой сердца Эшарта. А вы – моей?

Он подобрал ее шаль, которая, очевидно, соскользнула во время их поцелуя. Дамарис выхватила ее и укуталась. Она не желала навредить себе, отказавшись от этого плана, но была отчаянно зла на него.

– Хорошо, – сказала она. – Вы с Эшартом будете драться?

– Возможно.

– Надеюсь, вы убьете друг друга, – проворковала она, уходя.

– Сварливая баба, – пробормотал Эш.

Фитц сдержал желание как следует врезать другу.

– Ей пришлось нелегко, и в этом есть твоя доля вины.

– Я не делал ей предложения.

– Вдова давала обещания от твоего имени, и ты не возражал. До встречи с Дженивой – после встречи с Дженивой! – ты собирался жениться на деньгах мисс Миддлтон.

Румянец вспыхнул на щеках Эша.

– Больше нет. Так почему она тащится в Чейнингс? Теперь Родгар ее опекун.

– Ты ведь тоже имел беседу.

– Короткую. Меня послали, чтобы выручить ее и сообщить о плане. Я надеялся, что она откажется.

– Я уговорил ее. Ей лучше уехать отсюда. Она не член семьи, и у нее нет здесь настоящих друзей. И я не хочу оставлять ее.

Фитц пожалел, что сказал это. В последнее время он совсем разучился владеть собой.

Эш поднял брови:

– Ты питаешь надежды? Удачи тебе, но не спеши считать цыплят. Она в погоне за самым высоким титулом, который сможет купить. Кстати, Родгар обратился ко мне со странным вопросом.

Фитц обрадовался смене темы.

– Каким?

– Он спросил, есть ли в Чейнингсе документы, относящиеся к Бетти Кроули. Ну ты знаешь, моя прапрабабушка.

– Одна из многочисленных любовниц Карла Второго и источник королевской крови, которая предположительно течет в жилах Трейсов? Вдова раза два упоминала об этом.

Эш рассмеялся, ибо его бабушка никогда не упустит случая упомянуть о «королевской связи», как она это называет, хотя, видит бог, потомки от внебрачных связей веселого монарха не редкость.

– Почему Родгар интересуется? – спросил Фитц.

– Он тоже праправнук Бетти. Возможно, составляет свое семейное древо. Это показалось мне безобидным любопытством, и я решил, что мир между нами будет мудрым шагом.

– Слава тебе господи! А документы есть?

– Должны быть. Хотя Бетти вышла замуж за Рандолфа Приса, у нее был только один ребенок – королевский. Он носил имя Чарлза Приса и позже стал лордом Вейзи. Его единственным выжившим ребенком была бабуля, поэтому титул умер вместе с ним, а Стортон-Хаус был продан. Потом она стала маркизой Эшарт, поэтому бумаги Присов были переправлены в Чейнингс. Полагаю, они лежат на чердаке. Я сказал, что посмотрю, когда буду там.

– Ты, – спросил Фитц, – или я?

Эш усмехнулся:

– Ты же не можешь ожидать, что я оставлю Джениву в одиночестве. Позови мисс Миддлтон помочь тебе и займись с ней любовью на заплесневелых бумагах. Только позаботься, чтобы она не беспокоила Джениву. Я не позволю расстраивать ее.

– Дженива может сама постоять за себя. И мне жаль, если это заденет твою гордость, но я сомневаюсь, что мисс Миддлтон все еще жаждет твоего титула и знатности.

– Она так и сказала вдове, и я уважаю ее за это.

– Она достойна уважения, Эш. Она не кроткое, краснеющее создание. У нее есть характер.

– Ты влюблен! Ты ведь планировал уехать в Виргинию?

– Так и есть. – Фитц направился к двери, надеясь ускользнуть. – Нам надо подготовиться к состязанию. Как оно будет проходить?

– Ты, я, Родгар и лорд Брайт вместе с любыми другими джентльменами, которые пожелают принять участие. Каждый против остальных.

– Здесь около тридцати мужчин. Это затянется на целый день.

– Учитывая мастерство Родгара, едва ли многие рискнут сражаться. Лорд Брайт тоже отличный фехтовальщик. Хочешь ли ты принять участие?

Эш явно вспомнил, что выступление Фитца на состязаниях не было впечатляющим.

– О, я не возражаю.

– Почему у тебя такой хищный вид?

– Я не раскрывал в полной мере своих способностей. Я надеюсь победить Родгара.

– Разрази меня гром! Ты считаешь, что можешь?

– Я никогда не видел, как он дерется, но да, это возможно.

Эш рассмеялся:

– Зачем скрывать свои таланты?

Фитц пожал плечами:

– Я предпочитаю не привлекать внимания, но тут не могу устоять.

– Надеюсь, ты одержишь над ним верх. Это завоюет сердце наследницы, и она забудет о диадеме. Фитц, мне не нравится, как обстоят дела в колониях, а здесь состояние само плывет к тебе в руки.

– Господи, Эш. У меня нет ни профессии, ни дома, скандал липнет ко мне как смола, и семья, с которой я бы не хотел знакомить никого. Даже если Дамарис предложит мне себя, я вынужден буду отказаться.

У Эша был такой вид, словно его стукнули по голове.

– Хочешь, я найду для тебя место? Управляющего имением, например? Или что-нибудь в правительстве?

Предложение было великодушным, но бесполезным. Вопрос о службе никогда раньше не поднимался, но сейчас это меньше всего волновало Фитца. Он вышел из комнаты.

Фитц отправился в спальню, чтобы переодеться к обеду, который последует за состязанием. Он сделал это быстро, предпочитая не встречаться с Эшем. Затем побродил по коридорам огромного дома, планируя обеспечение безопасности завтрашнего путешествия. По крайней мере пытался. Его мысли то и дело возвращались к Дамарис Миддлтон.

Почему он не сообразил, что флиртовать с ней, чтобы убедить поехать в Чейнингс, может быть опасным? Когда они прикасались друг к другу, вспыхивал огонь. Если бы он имел право, то мог бы завоевать ее. Но он не впутает никого, кто ему дорог, в свою загубленную жизнь.

Однако соблазн не давал покоя. С ее состоянием он мог бы избавить мать и сестер от его брата Хью. С деньгами он мог позволить себе забрать Либби и Салли с собой в Америку и защитить их там.

Фитц отбросил назойливые мысли. Он никогда не оскорбит женщину, женившись на ней по такой причине.

Глава 6

Без четверти два Фитц подошел к комнате Дамарис. Он постучал, и она сама открыла дверь, блистая в платье огненного цвета. Ему пришлось подавить улыбку чистейшего удовольствия при виде ее расправленных плеч, твердого подбородка и вызывающего выражения глаз.

– Входите, – приказала она.

Он подчинился. Ее горничной не было.

– Вы не должны были обманом добиваться моего согласия поехать в Чейнингс, – заявила она. – Вам следовало просто сказать, что это уже решено и почему.

– Но это было бы отнюдь не так приятно. – Он понимал, что не должен поддразнивать ее, тем паче когда они наедине, но просто не мог устоять.

Ее лицо стало пунцовым.

– Вы больше никогда не будете так поступать.

– Так целовать вас?

– Пытаться так убедить меня! И так целовать.

– Дамарис, вы сами попросили меня поцеловать вас.

– Я признаю это, но вы этим воспользовались.

– И получил удовольствие. Мне хочется и сейчас поцеловать вас. Вы выглядите восхитительно. Вам безумно идет этот оттенок.

Она нахмурилась:

– Он называется «Осенний закат». Несусветная глупость, ибо закаты осенью не отличаются по цвету от закатов в другое время года.

Он взял ее за руки:

– Вижу, вы не поэтическая натура.

– Ни в малейшей степени.

– Поэтическая натура – это не слабость. Поэзия может сочетаться с храбростью и влиянием.

Ему не стоило этого делать, но он поцеловал ее длинную, изящную кисть, тонкую и гибкую от многолетних занятий за клавиатурой, и представил, как эти руки прикасаются к нему, даже в интимных местах.

– У вас есть пример в качестве доказательства?

– Что? – Он не имел представления, о чем она говорит.

– Пример поэта, который был к тому же храбр и влиятелен.

Он тихо рассмеялся и позволил ей привести его в чувство, если бессмысленный разговор мог сделать это. Им надо идти вниз, но кровать гораздо соблазнительнее. Он взял тяжелую шелковую шаль, сотканную из коричневого, золотистого и розового, и накинул ей на плечи.

– Давайте посмотрим. – Фитц взял девушку под руку и повел к двери. – Многие из поэтов прошлого столетия были вынуждены участвовать в гражданской войне. Взять хотя бы сэра Филиппа Сиднея, который погиб в сражении во времена Тюдоров.

– Он был примерным солдатом? – поинтересовалась она. – Или хорошим поэтом?

– И тем и другим, но я не могу его процитировать.

– Имели дела поважнее, чем изучать литературу? – Она посмотрела ему прямо в лицо. – Какова ваша настоящая цель пребывания здесь, сэр?

От ее пронизательности у него перехватило дыхание.

– Святочные развлечения.

– А до этого? Вы были неразлучны с Эшартом в течение нескольких месяцев. Едва ли это требовало отдачи всех сил.

– Вы будете удивлены, – сказал он непринужденно, – но когда я ушел из армии, то решил дать себе немного поразвлечься.

Она задумчиво посмотрела на него.

– Моя жизнь в Уорксопе была тихой и однообразной, но это давало время для наблюдений. Люди ищут развлечений, которые соответствуют их натуре. Бездельники забавляются каким-нибудь очередным ничегонеделанием. Активные тешат себя по-другому. Даже во время болезни. Люди праздные не вылезают из постели, а энергичные не могут усидеть на месте и непременно попадают в неприятности.

– И с чем же могут быть связаны неприятности от моего пребывания здесь?

– Со мной.

Правдивость этих слов лишила его дара речи.

– Более того, – продолжала Дамарис, – вы мне кажетесь ястребом в клетке с певчими птичками.

Рассмеяться над этим было легко.

– Вы представляете Родгара, Эшарта, лорда Брайта и других щебечущими канарейками? Очень скоро вы поймете свою ошибку.

– Возможно, дело в вашем армейском опыте. В сиянии вокруг вас.

– Вы видите во мне святого?

– Я не сказала «нимб», сэр. Как будто у вас есть цель, тогда как остальные просто бездельничают.

Черт возьми! Ему следует быть осмотрительнее. Он и вправду чувствовал себя бодрым и полным жизни, когда был вовлечен в важную миссию, а девушка опасно наблюдательна.

Две женщины появились из коридора чуть впереди. Они окинули Фитца и Дамарис испытующим взглядом. Он вспомнил об их общей цели – убедить всех, что сердце Дамарис не разбито.

– Быть может, это сияние исходит от вас, – пробормотал он, – мой прелестный осенний закат.

– Не говорите глупостей.

– Я упряжусь в поэтический флирте. Напоказ.

Фитц увидел, что она вспомнила. Они приближались к верхней площадке главной лестницы, где толпились другие. Гул голосов внизу указывал на то, что люди уже собрались для состязания. Супружеская пара средних лет подошла с противоположной стороны. Найтсхомы были добросердечными людьми, которые не избегали его, поэтому они начали свой спектакль перед ними.

Фитц отступил назад и продекламировал:

– Дамарис входит в огненном сиянии, невиданном с начала мироздания. Ее глаза – прекрасные сапфиры – пронзят меня насквозь, как острые рапиры.

Люди захихикали, и Дамарис тоже.

– Надеюсь, вы фехтуете так же хорошо, как и рифмуете, сударь.

Он приложил руку к груди и с улыбкой поклонился:

– Этот экспромт вырвался прямо из моего бедного сердца.

– Вполне милыми стихами, Фитцроджер, – прокомментировала леди Найтсхом. – Вы, похоже, вполне оправились, мисс Миддлтон.

Дамарис побледнела, но Фитц поднес ее руку к губам и поцеловал, удерживая ее взгляд.

– Поиграйте со мной в поэтическую игру, милая леди. Нам исцеление обещает иная жизни полоса.

Несколько мгновений она смотрела не мигая, и он испугался, что у нее не выйдет даже простая рифма, но вдруг она сказала:

– Ах, сударь, ваши обещания да пусть услышат небеса.

Какие только в этом мире не происходят чудеса!

Так пусть же ветер раздувает у нашей лодки паруса!

Леди Найтсхом заплотировала, а Фитц снова взял Дамарис под руку и двинулся к лестнице. Толпа расступилась, пропуская их, слушатели последовали за ними. Люди комментировали их удачный экспромт.

Удивила ли их сообразительность Дамарис так же, как его? Он был восхищен ее проявлением. Дамарис Миддлтон необыкновенно храбрая и, возможно, одна из тех, чьи таланты в полной мере раскрываются лишь в критические моменты. Случается ли Господу допускать ошибки? Если бы Дамарис родилась мальчиком, возможно, добилась бы таких же успехов, как ее отец-пират.

Когда они достигли подножия лестницы, он напомнил ей:

– Улыбайтесь и обожайте меня.

– Но только на время, – уточнила она с ослепительной улыбкой.

Дамарис надеялась, что ее улыбка не выглядит гротескной. Это глупое рифмоплетство помогло, но у нее все еще тряслись поджилки от необходимости смотреть в лицо людям, которые были свидетелями ее вчерашнего поведения.

– Расслабьтесь, – проговорил Фитц ей на ухо, когда они смешались с гостями в зале. Расставленные кругом стулья дожидались зрителей, и некоторые были уже заняты. У Дамарис возникло чувство, словно они сели, чтобы наблюдать за ней, а не за состязанием.

Она вела себя так, словно вчерашнего и вовсе не было. Послала улыбку немолодой мисс Шарлотте Маллорен, на которую та неуверенно ответила. Обменялась замечаниями о погоде с доктором Иганом. Спросила у леди Брайт Маллорен о ребенке леди Уолгрейв.

Девушка повернулась к Фитцпроджеру, пытаясь придумать какую-нибудь остроумную реплику, но нервозность стерла все мысли в голове.

– Здесь вам нечего бояться. Мы вместе будем за вас сражаться, – заверил ее Фитц. – Черт, я не собирался говорить это в рифму.

Она рассмеялась и молча поблагодарила его.

– Вы думаете, рифмоплетство заразительно? Если так, я нашла нечто целительное. Что может рифмоваться с «заразительным»?

Он вскинул бровь, и она поморщилась.

– Я это тоже не нарочно. Мы попались в рифмующую ловушку!

– Для наших языков игрушку...

– Фитц.

Они оба, смеясь, обернулись и увидели Эшарта об руку с Дженивой, чья белокурая красота подчеркивалась сиянием счастья. Улыбка Дамарис не дрогнула. У нее есть роль, которую она должна играть. И какой смысл злиться на мисс Смит за ее красоту? Это все равно что проклинать небо за то, что оно голубое. Да и будущая маркиза Эшарт казалась такой же напряженной, как и она.

– Дорогие друзья, – ораторствовал Фитц, – в этот радостный час мы приветствуем вас. Развлечений мы жаждем сейчас.

Эшарт рассмеялся, но был в некотором замешательстве.

– Что, черт возьми?..

– Мы с мисс Миддлтон попались в ловушку рифмования.

– А это, уверяю вас, сущее наказание, – подхватила Дамарис.

– Ну, не знаю, – подала голос мисс Смит. – Это все же не хуже, чем отпевание. – Потом нахмурилась: – Ужасно.

Эшарт поцеловал ей руку.

– Слава богу, этой напасти мы не подвержены.

– За исключением любви, – заметил Фитцроджер. – Стрелой Купидона вы оба повержены. Быть может, в этом ваше спасение.

– Волшебное средство, полученное из влечения? – подхватила Дамарис. – Значит, нам нужно любви воздействие. Так давайте же немедленно действовать!

Эшарт зааплодировал, как и некоторые другие, кто стоял поблизости. Они снова становились центром внимания, но на этот раз производили хорошее впечатление.

– Вы искусно рифмуете, – заметил Эшарт, – декламируете же оба ужасно. Но могли бы обратить это наказание в свою пользу на сцене.

– Наказание, которое приведет к состоянию? – спросила Дамарис.

Фитц усмехнулся:

– В такой перспективе есть свое обаяние.

– По-моему, ты выдохся, друг мой, – сказал Эшарт.

Дамарис неожиданно осознала, что эта игра доставляет ей удовольствие. Она составила фразу и повернулась к Фитцу:

– Сударь, чтобы это занятие не стало проклятием, мы оба должны быть очень внимательны. Отныне не больше слова зараз. Это приказ.

– Bravo! – зааплодировал Эшарт, к которому присоединились все остальные. – Только отдельные слова, Фитц. Я, как твой друг, обязан следить, чтобы с тобой ничего не случилось, так ведь?

– Так, выходит, – сказал Фитц.

– Что здесь происходит? – спросила леди Аррадейл, только что вошедшая в зал.

Все собравшиеся разразились хохотом. Эшарт объяснил, и их хозяйка рассмеялась.

– Дуэль рифм. Надо будет как-нибудь еще попробовать. Ну а сейчас прошу всех занять места для дуэли клинков.

Дамарис заняла место рядом с Дженивой Смит, радуясь, что есть немного времени, чтобы успокоиться. Она была слишком взбудоражена, находилась под влиянием момента. Сейчас интерес большинства людей казался веселым или даже добродушным, но она поймала на себе гневный взгляд лорда Генри. Без сомнения, он считает, что она слишком дерзка.

Родгар вошел в овальное пространство, образованное стульями, через оставленный проем. Дамарис была шокирована, увидев, что он одет только в рубашку, бриджи и чулки. Фитцроджер будет сражаться в таком же виде?

– Друзья мои, мы с кузеном Эшартом давно хотели проверить мастерство друг друга в фехтовании. Этот турнир – простое развлечение, уверяю вас. Кровь не прольется.

Среди собравшихся послышался смех: еще совсем недавно дуэль между кузенами могла быть смертельной.

– Турнир с маленьким призом – для стимула. – Родгар извлек золотую цепочку с подвесками-капельками. – Безделушка, но приятный подарок для дамы сердца. На данный момент участниками состязания являются: ваш покорный слуга, Эшарт, лорд Брайт и мистер Фитцроджер, но любой из вас, джентльмены, может присоединиться. Мы фехтуем до первого касания. Трехминутная схватка без касания будет засчитана как ничья. Сэр Ролоу согласился быть хронометражистом.

Сэр Ролоу улыбнулся, поднял вверх большие карманные часы.

– Я бы хотел принять участие. – Лейтенант Осборн вышел вперед.

Дамарис подавила стон. Он был ее настойчивым поклонником здесь, и иногда она поощряла его, пытаясь заставить Эшарта ревновать. Она не хотела, чтобы он поставил себя в глупое положение из-за нее, но и, разумеется, не желала, чтобы он выиграл.

Еще один молодой человек, мистер Стентон, поднялся, и они с Осборном ушли, чтобы снять с себя сковывающую движения одежду. Лорд Брайт присоединился к своему брату, держа две рапиры, и тоже разделся.

– Прошу заметить, – обратился ко всем лорд Брайт, бросив брату рапиру, – я никогда не утверждал, что фехтую лучше, чем Родгар.

Но когда поединок начался, потрясенной и изумленной Дамарис он показался блестящим фехтовальщиком. Она никогда раньше не видела, как мужчины фехтуют. Они носились то вперед, то назад на сильных, гибких ногах, не видя ничего, кроме друг друга, и выискивая уязвимое место для наконечника на острие рапиры. Она была не в состоянии уследить за их молниеносными выпадами. Какую опасность они представляли бы, будь это настоящая дуэль! Наконечник рапиры лорда Родгара уперся в грудь брата, лезвие изогнулось, словно березовая ветка, и поединок закончился.

Дамарис приложила руку к груди:

– О боже!

– Да уж, – отозвалась мисс Смит.

Дамарис искоса взглянула на нее:

– Для вас это тоже внове?

Мисс Смит разругалась от возбуждения.

– Нет, но я никогда не видела такой скорости. Думаю, Родгару не стоит бояться, что придется расстаться с безделушкой.

– Эшарт не может конкурировать?

Мисс Смит застыла.

– Уверена, что может.

Следующим в круг вошел Эшарт в паре с мистером Стентоном. Вскоре стало очевидно, что Эшарт может конкурировать и даже не уступает в мастерстве кузену. Когда поединок закончился вничью, Дамарис заподозрила, что Эшарт дрался не в полную силу. Но смеющийся и запыхавшийся мистер Стентон с поклоном покинул состязание.

Фитцроджер и Осборн боролись следующими. Дамарис была разочарована, что ни один из них не показал мастерства других фехтовальщиков. Возможно, в жизни солдата не было места для артистического фехтования.

«Да и не всегда, – вспомнила она, – фехтование бывает артистическим». Не так давно лорд Родгар убил человека с помощью этого смертоносного искусства, вот и сейчас казалось, что Осборн с удовольствием убил бы противника. Он проиграл и, прежде чем выйти из круга, чтобы дожидаться следующего поединка, бросил на нее гневный взгляд.

Время богатства давило на нее. Мужчины могли бы за него убить.

Теперь воздух был насыщен напряжением, и, когда Эшарт вернулся в круг, чтобы сразиться с лордом Брайтом, она заметила, что у обоих мужчин рубашки прилипли к телу. Пот катил градом.

Возможно, какие-то искры старой вражды между Маллоренами и Трейсами вспыхнули вновь, ибо Дамарис ощутила чуть больше остроты в напряжении Эшарта, некоторую резкость в его выпадах. Лорд Брайт широко улыбался, явно находя все это забавным, но Дамарис крепко стиснула руки и молилась, чтобы никто не пострадал.

– Время! – крикнул сэр Ролоу, и оба фехтовальщика отступили назад, тяжело дыша.

Дамарис разволновалась, частично из-за прекрасных контуров, вырисовывающихся под влажным, прилипшим батистом. Она взглянула на мисс Смит и увидела такую же реакцию и, вероятно, такой же страх. Почему, ради всего святого, мужчины считают это увеселением?

Родгар и Осборн сражались следующими, и молодой человек явно нервничал перед началом. Хотя Дамарис ничего не знала об искусстве фехтования, она подозревала, что три минуты, которые за этим последовали, были демонстрацией мастерства, которое не давало Осборну шанса на победу, а просто позволило довести поединок до вежливой ничьей. Это, как догадалась девушка, был тонкий намек выйти из игры, как это сделал мистер Стентон, и лейте-

нант понял его, правда, при этом бросил еще один косой взгляд в ее сторону. Это могло бы польстить, если бы Дамарис не знала, что его интересует только ее приданое.

– Итак, – проговорила мисс Смит, возможно, себе самой, – остались главные четверо. – Она повернулась к Дамарис: – Кто, по-вашему, выиграет?

Дамарис не хотелось быть злой, но все же она сказала:

– Родгар.

Мисс Смит кивнула, нахмурившись:

– Надеюсь, Эшарт не будет слишком задет.

Приглушенный шум голосов означал, что другие тоже строят предположения. Двое мужчин ударили по рукам. Будь у нее возможность, сделала бы она ставку на Родгара? Девушка хотела бы поставить на Фитцроджера, но когда он вышел на поединок с лордом Брайтом, она ожидала только поражения.

Но вдруг все изменилось. Похоже, лорд Брайт был намерен провести развлекательный бой, но за какие-то доли секунды его веселость испарилась. Глаза стали напряженными, а движения отчаянными.

Дамарис не имела представления, каким образом быстрые запястья и гибкие ноги уберегли обоих мужчин от опасности, но поединок длился полных три минуты. Когда сэр Ролоу крикнул: «Время!» – оба фехтовальщика согнулись, чтобы отдышаться, истекающие потом. Мужчины подали им полотенца, чтобы вытереть лица, и они выпрямились, все еще тяжело дыша. Фитцроджер стащил ленту с волос, которые растрепались и облепили лицо. Его неожиданная улыбка, адресованная лорду Брайту, на которую тот ответил так же, поразила Дамарис.

Радость. Все это доставляет ему несказанное удовольствие. Почему она решила, что его жизнь лишена такой чистой радости? Она осознала, что аплодирует, как и все. Теперь на Фитцроджера ставили деньги, и она гордилась им.

Вышел Родгар, в его улыбке было что-то хищное.

– Должен признать, это становится интереснее, чем я ожидал. Итак, Брайт закончил свои поединки с результатом в один проигрыш и две ничьи.

– Что я вам говорил? – дружелюбно воскликнул лорд Брайт. – Хотя я сражусь с Фитцроджером еще раз просто ради удовольствия.

– В следующий раз, – сказал брат. – Эшарт, я и Фитцроджер имеют по выигрышу и по ничьей каждый. Поскольку мы с Эшартом отдохнули, нам следует сразиться следующими, но тогда у Фитцроджера будет два поединка подряд. Поэтому, если вы согласны, джентльмены, я поборюсь за приз. Вначале против тебя, Эшарт?

Эшарт шагнул вперед, затем остановился.

– Тогда у тебя будет два поединка подряд, кузен. Если ты позволишь Фитцроджеру немного отдохнуть, я признаю его своим победителем.

– Непременнo. При условии, что победитель получает приз.

Эшарт согласился, и Родгар повернулся к Фитцроджеру, который все еще вытирал пот:

– Я рад возможности помериться с вами силами, сэр. Где вы учились? – Мужчины пустились в дискуссию о фехтовании, которую Дамарис не могла слышать из-за поднявшегося гомона голосов.

Эшарт подошел к мисс Смит:

– Надеюсь, ты не жалеешь об ожерелье, Дженни. Я куплю тебе лучшее.

Дамарис отвела глаза, подумав: «Вот тебе и экономия», – но не слышать, о чем они говорят, не могла.

– Разумеется, нет, – отозвалась мисс Смит. – Поединок между вами – это, пожалуй, было бы не слишком разумно.

– Зато интересно. Думаю, Фитц против Родгара – это ничуть не менее увлекательно.

Дамарис посмотрела на Фитцджерера, который, кажется, уже восстановил силы, только рубашка по-прежнему липла к телу да волосы совсем растрепались. Он убрал непослушные пряди с лица, и это движение подчеркнуло сухощавую стройность его тела. Он был сложен изящнее остальных мужчин, но это не делало его слабее.

Ей стало трудно дышать, как фехтовальщикам, и почти так же жарко. Она никогда раньше не испытывала этого. Даже во время их поцелуев. «Это плотское», – поняла она. Низменное, но властное, пульсирующее между бедер и побуждающее совершить такое, что снова поставит ее в неловкое положение...

Девушка вздохнула и оторвала взгляд, заметив, что она не единственная женщина, пожирающая его глазами. Она взглянула на Эшарта, стоявшего так близко, что она ощущала запах его пота. Но он не оказывал на нее никакого особенного воздействия.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.